

АКТУАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ISSN 2713-1513

#47 (282), 2025

часть II

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 47 (282)

Часть II

Издается с ноября 2019 года

Выходит еженедельно

ISSN 2713-1513

Главный редактор: Ткачев Александр Анатольевич, канд. социол. наук

Ответственный редактор: Ткачева Екатерина Петровна

Статьи, поступающие в редакцию, рецензируются.
За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов статей.
При использовании и заимствовании материалов ссылка на издание обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абдуллин Тимур Zufарович, кандидат технических наук (Высокотехнологический научно-исследовательский институт неорганических материалов имени академика А. А. Бочвара)

Абидова Гулмира Шухратовна, доктор технических наук, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Альборад Ахмед Абуди Хусейн, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Аль-бутбахак Башшар Абуд Фадхиль, преподаватель, PhD, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Альхаким Ахмед Кадим Абдуалкарем Мухаммед, PhD, доцент, Член Иракской Ассоциации спортивных наук (Университет Куфы, Ирак)

Асаналиев Мелис Казыкеевич, доктор педагогических наук, профессор, академик МАНПО РФ (Кыргызский государственный технический университет)

Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, проректор по научной работе, профессор, директор НИИ биогеографии и ландшафтной экологии (Дагестанский государственный педагогический университет)

Бафоев Феруз Муртазоевич, кандидат политических наук, доцент (Бухарский инженерно-технологический институт)

Гаврилин Александр Васильевич, доктор педагогических наук, профессор, Почетный работник образования (Владимирский институт развития образования имени Л.И. Новиковой)

Галузо Василий Николаевич, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник (Научно-исследовательский институт образования и науки)

Григорьев Михаил Федосеевич, доктор сельскохозяйственных наук (Кузбасский государственный аграрный университет имени В.Н. Полецкого)

Губайдуллина Гаян Нурахметовна, кандидат педагогических наук, доцент, член-корреспондент Международной Академии педагогического образования (Восточно-Казахстанский государственный университет им. С. Аманжолова)

Ежкова Нина Сергеевна, доктор педагогических наук, профессор кафедры психологии и педагогики (Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого)

Жилина Наталья Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Ильина Екатерина Александровна, кандидат архитектуры, доцент (Государственный университет по землеустройству)

Каландаров Азиз Абдурахманович, PhD по физико-математическим наукам, доцент, проректор по учебным делам (Гулистанский государственный педагогический институт)

Карпович Виктор Францевич, кандидат экономических наук, доцент (Белорусский национальный технический университет)

Кожевников Олег Альбертович, кандидат юридических наук, доцент, Почетный адвокат России (Уральский государственный юридический университет)

Колесников Александр Сергеевич, кандидат технических наук, доцент (Южно-Казахстанский университет им. М. Ауэзова)

Копалкина Евгения Геннадьевна, кандидат философских наук, доцент (Иркутский национальный исследовательский технический университет)

Красовский Андрей Николаевич, доктор физико-математических наук, профессор, член-корреспондент РАЕН и АИН (Уральский технический институт связи и информатики)

Кузнецов Игорь Анатольевич, кандидат медицинских наук, доцент, академик международной академии фундаментального образования (МАФО), доктор медицинских наук РАГПН, профессор, почетный доктор наук РАЕ, член-корр. Российской академии медико-технических наук (РАМТН) (Астраханский государственный технический университет)

Литвинова Жанна Борисовна, кандидат педагогических наук (Кубанский государственный университет)

Мамедова Наталья Александровна, кандидат экономических наук, доцент (Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова)

Мукий Юлия Викторовна, кандидат биологических наук, доцент (Санкт-Петербургская академия ветеринарной медицины)

Никова Марина Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Московский государственный областной университет (МГОУ))

Насакаева Бакыт Ермакбайкызы, кандидат экономических наук, доцент, член экспертного Совета МОН РК (Карагандинский государственный технический университет)

Олешкевич Кирилл Игоревич, кандидат педагогических наук, доцент (Московский государственный институт культуры)

Попов Дмитрий Владимирович, доктор филологических наук (DSc), доцент (Андижанский государственный институт иностранных языков)

Пятаева Ольга Алексеевна, кандидат экономических наук, доцент (Российская государственная академия интеллектуальной собственности)

Редкоус Владимир Михайлович, доктор юридических наук, профессор (Институт государства и права РАН)

Самович Александр Леонидович, доктор исторических наук, доцент (ОО «Белорусское общество архивистов»)

Сидикова Тахира Далиевна, PhD, доцент (Ташкентский государственный транспортный университет)

Таджибоев Шарифджон Гайбуллоевич, кандидат филологических наук, доцент (Худжандский государственный университет им. академика Бободжона Гафурова)

Тихомирова Евгения Ивановна, доктор педагогических наук, профессор, Почётный работник ВПО РФ, академик МААН, академик РАЕ (Самарский государственный социально-педагогический университет)

Хаитова Олмахон Саидовна, кандидат исторических наук, доцент, Почетный академик Академии наук «Турон» (Навоийский государственный горный институт)

Цуриков Александр Николаевич, кандидат технических наук, доцент (Ростовский государственный университет путей сообщения (РГУПС))

Чернышев Виктор Петрович, кандидат педагогических наук, профессор, Заслуженный тренер РФ (Тихоокеанский государственный университет)

Шаповал Жанна Александровна, кандидат социологических наук, доцент (Белгородский государственный национальный исследовательский университет)

Шошин Сергей Владимирович, кандидат юридических наук, доцент (Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского)

Эшонкулова Нуржахон Абдужабборовна, PhD по философским наукам, доцент (Навоийский государственный горный институт)

Яхшиева Зухра Зиятовна, доктор химических наук, доцент (Джиззакский государственный педагогический институт)

СОДЕРЖАНИЕ

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Кузнецов А.Ю.

ПОЛИМЕРНЫЕ ГИДРОГЕЛИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЛИОРАЦИИ ПОЧВ 6

МЕДИЦИНА, ФАРМАЦИЯ

Бабаев Д.В., Адамчик А.А.

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ВЕЙПИНГА НА СОСТОЯНИЕ ТВЕРДЫХ ТКАНЕЙ ЗУБОВ 9

Ван Лючжицзя

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: «СУПЕР-ПОМОЩНИК» В ДИАГНОСТИКЕ БОЛИ
В ГРУДИ В ОТДЕЛЕНИИ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ 13

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

Рашидова Д.А., Шокиров Д.В.

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА..... 15

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

Ожередова А.А.

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ
СОСТАВЛЯЮЩУЮ БЛОГОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ
БЛОГОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ ПО РОССИИ) 18

ПОЛИТОЛОГИЯ

Дворцов А.О.

ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА 20

Егоров В.П., Жибров В.Д.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ
БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ПРОИЗОШЕДШЕГО
ВСТУПЛЕНИЯ В БЛОК НАТО ФИНЛЯНДИИ И ОТ ГИПОТЕТИЧЕСКОГО
ВСТУПЛЕНИЯ В БЛОК НАТО УКРАИНЫ 27

Монгуш А.А.

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ 32

Монгуш А.А.

МНОГОФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ.....34

Монгуш А.А.

СТРАТЕГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ
КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЕЙ 37

Учеватова В.С.РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЙ СРОК ПРАВЛЕНИЯ Д.
ТРАМПА (2017–2021 гг.): МЕЖДУ ОЖИДАНИЯМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ 39

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Бейсенбаева А.Д.

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ..... 44

Исайкина А.А.

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ КАК ГЕНОЦИДА50

Куликова С.А.РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАХОДКИ И КРАЖИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ
СИСТЕМЕ РФ ..... 53**Махмутова М.Э., Ширманов Е.В.**МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ
БЕЗ ЦЕЛЕЙ ХИЩЕНИЯ..... 56**Типикин Н.Д., Вольгин В.А.**ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ
СУДОПРОИЗВОДСТВЕ..... 59**Тихонова Ю.А.**ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В СФЕРЕ
СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ..... 64

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, РР

Монгуш А.А.

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В РОССИИ..... 67

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Кондрачук М.В.ДЕФИЦИТ КАДРОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПРИЧИНЫ, СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ И
ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ..... 69**Кондрачук М.В.**ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ
ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ
КООРДИНАЦИИ И МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ ..... 72**Кондрачук М.В.**МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА
ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО
УПРАВЛЕНИЯ ДО 2030 ГОДА 74

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

КУЗНЕЦОВ Александр Юрьевич

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
Пензенский государственный аграрный университет, Россия, г. Пенза

ПОЛИМЕРНЫЕ ГИДРОГЕЛИ И ИХ ПРИМЕНЕНИЕ В МЕЛИОРАЦИИ ПОЧВ

Аннотация. В последние годы работников сельскохозяйственных предприятий привлекает новый класс полимеров – полимерные гидрогели, которые набухают в воде, но не растворяются. Они обладают высокой водосорбирующей способностью, их можно применять в растениеводстве для улучшения влагообеспечения растений.

Ключевые слова: полимерные гидрогели, водосорбирующая способность, мелиорация почв, полиакриламидный полимер.

Новое поколение таких материалов, как сильнонабухающие полимерные гидрогели (СПГ), способные аккумулировать при набухании до нескольких литров воды на 1 г полимера имеют большой интерес в науке. Основная идея применения СПГ в мелиорации почв состоит в том, что размещённый в почвенном слое гидрофильный сетчатый полимер обеспечивает удержание дополнительного запаса влаги, главным образом, за счёт снижения потерь на гравитационный сток и физическое испарение. Эту влагу эффективно используют растения, поскольку её основная часть лежит в области биологически доступных потенциалов ($4,2 > \psi F > 2,0$). В результате наблюдаются значительное пролонгирование влажности почвы, снижение поливных норм и расхода химикатов, рост биомассы, а в ряде случаев – принципиальная возможность выращивания растений в неблагоприятных условиях водного дефицита [2, с. 11].

Полимерный гель – это гетерогенная система, дисперсной фазой которой служит пространственная сетка, образованная макромолекулами полимера, а распределенная в ней низкомолекулярная жидкость или газ являются дисперсной средой. Пространственная полимерная сетка, образованная поперечными химическими связями, придает структуре геля некоторые механические свойства твердых тел: пластичность, прочность и упругость. Процесс набухания полимера как сорбента складывается из двух составляющих:

1. Межструктурного набухания в результате поглощения молекул воды только поверхностью полимера (адсорбция) как внешней, так и внутренней в порах и полостях между элементами структуры.

2. Внутрискруктурного набухания в результате поглощения воды, проникая внутрь структуры, попадают в силовое поле полимера, существующее между его атомами, ионами или молекулами во всем объеме, и растворяются в нем, раздвигая молекулы.

В мировом сообществе понятие «мелиорация» трактуется однозначно, и в переводе с латинского означает «улучшение земли». Речь идет об улучшении тех свойств почвы, которые в данных конкретных условиях препятствуют росту плодородия, получению желаемой урожайности возделываемых культур (С. Г. Скоропанов, 1989) [3, с. 17].

По современным представлениям объектом воздействия сельскохозяйственных мелиораций являются уже не растения, почва или грунтовые воды, а агроэкосистема в целом, куда они входят как составные части. В нормальных условиях цель управления агроэкосистемой означает обеспечение водно-воздушного режима почвы, определяющего благоприятное мелиоративное состояние региона или замедляющего процессы его ухудшения.

В полукстремальных условиях цель управления агроэкосистемой состоит в предотвращении развития внутренних негативных последствий в результате мелиоративных

воздействий, направленных на стабилизацию агроэкосистемы, сведение ущерба к минимуму [4, с. 8].

Впервые в условиях лесостепи Среднего Поволжья на черноземах, выщелоченных в зерно-травяном севообороте и в условиях закрытого грунта изучено влияние водоудерживающего полиакриламидного полимера В-415К на агрохимические и агрофизические свойства чернозема выщелоченного, тепличного почвогрунта и урожайность сельскохозяйственных культур [1, с. 23].

Для изучения влияния полиакриламидного были заложены опыты по следующим схемам:

Опыт 1:

1. Без полимера (контроль);
2. Полиакриламидный полимер в дозе 0,1% от массы почвы;
3. Полиакриламидный полимер в дозе 0,05% от массы почвы;
4. Семена, обработанные полиакриламидным полимером;
5. Полиакриламидный полимер в дозе 0,1% от массы почвы + семена, обработанные полиакриламидным полимером;
6. Полиакриламидный полимер в дозе 0,05% от массы почвы + семена, обработанные полиакриламидным полимером.

Опыт 1 проводился в зернотравяном севообороте со следующим чередованием культур: многолетние травы (люцерна 3 года), озимая пшеница, яровая пшеница, ячмень.

Повторность в опыте четырехкратная. Площадь делянки 10 м². В качестве объекта исследования был взят характерный для почвенного покрова лесостепной зоны чернозем выщелоченный среднегумусный среднемощный тяжелосуглинистый.

Семена перед посевом на 4, 5 и 6 вариантах обрабатывались полимерной пудрой из расчета: люцерна 100 г, зерновые 600 г на норму высева.

Опыт 2:

1. Без полимера и удобрений (контроль);
2. Полиакриламидный полимер, насыщенный водой;
3. Полиакриламидный полимер, насыщенный водой + NPK в почвогрунт;
4. Полиакриламидный полимер, насыщенный N+PK в почвогрунт;
5. NPK на запланированный урожай.

Повторность опыта четырехкратная, размещение делянок рендомизированное, площадь делянки 2 м². В опыте изучалось звено

овощного культурооборота: салат (Одесский кучерявец), редис (18 дней), базилик (Базилик фиолетовый).

Предполивной порог влажности почвы составлял 80% от НВ.

В среднем за три года оросительная норма при выращивании салата на контрольном варианте и на варианте с полным минеральным удобрением составили 3850 м³/га, по полимерному фону 2450 м³/га, при выращивании редиса – 3500 и 2000 м³/га, при выращивании базилика – 3500 и 1750 м³/га соответственно.

В качестве минеральных удобрений в опыте использовали: мочевины – 11,6 г/м²; двойной суперфосфат – 11,0 г/м²; хлорид калия – 16,0 г/м².

В исследованиях использовался полиакриламидный полимер нового поколения В-415К (ТУ-6-02-00209912-59-96), синтезированный Саратовским НИИ «Биокатализ», 1 грамм которого может поглощать и удерживать в доступной для растений форме, до 300 гр. воды. Полиакриламидный полимер В-415К, в отличие от ранее синтезированных органических полимеров является экологически чистым и невзрывоопасным.

Суммарное количество поглощенной воды в результате обоих видов набухания в значительной степени определяется рядом факторов: термодинамическое родство воды к полимеру (наличие и доступность гидрофильных фракционных групп), пористость структуры и плотность упаковки макромолекул. Пространственная сетка, формируемая во время синтеза полимера, является основным элементом структуры гидрогеля, регулирующим процессы поглощения и распределения запасаемой гидрогелем воды. Метод сканирующей электронной микроскопии, используемый для определения структуры набухающего гидрогеля на основе полиакриламида (S. Mihael, 1985), показал, что гидрогель имеет ячеистую структуру, состоящую на 99% из внутренних вакуолей и на 1% из полимерных мостиков, полностью окружающих эти вакуоли. Накопление воды в такой структуре происходит следующим образом: 80–85% запасается в вакуолях как в бесчисленных резервуарах в виде «свободной», наиболее доступной, а 15–20% воды запасается в микропорах структуры полимера и является прочно связанной с ней. Полимерные мостики, создающие пространственную сетку в гидрогеле, вносят свой вклад не только в запасание гидрогелем воды, но и в обеспечение сопротивления

выпусканью ее из геля, т. е. являются структурными барьерами, способствующими медленной диффузии и испарению влаги в режиме высушивания, что дает возможность использовать гидрогель, например, для выращивания сельскохозяйственных культур в зонах с засушливым климатом.

Таким образом, установлена водопоглощающая способность полимера в зависимости от концентрации и состава азотосодержащих солей. Определена скорость и период водопоглощения в зависимости от размера гранул полиакриламидного полимера В-415К.

Литература

1. Кузнецов А.Ю. Влияние полимерной мелиорации на свойства чернозема выщелоченного, тепличного почвогрунта и урожайность сельскохозяйственных культур: Автореферат диссертации на соискание ученой степени

кандидата сельскохозяйственных наук. Пензенская государственная сельскохозяйственная академия, Пенза, 2003.

2. Кузнецов А.Ю. Влияние полимерной мелиорации на свойства чернозема выщелоченного, тепличного почвогрунта и урожайность сельскохозяйственных культур: Диссертация на соискание ученой степени кандидата сельскохозяйственных наук. Пензенский государственный аграрный университет, Пенза, 2003.

3. Кузин Е.Н., Гришин Г.Е., Кузнецов А.Ю. Эффективность полимерного препарата при выращивании сельскохозяйственных культур Агро XXI. 2003. № 7-12. С. 135-136.

4. Власова Т.А., Кузнецов А.Ю. Экологические аспекты использования полимерного гидрогеля в закрытом грунте: Бюллетень Всероссийского научно-исследовательского института агрохимии им. Д.Н. Прянишникова. 2002. № 116. С. 477-479.

KUZNETSOV Alexander Yurievich

Candidate of Agricultural Sciences, Associate Professor,
Penza State Agrarian University, Russia, Penza

POLYMER HYDROGELS AND THEIR APPLICATION IN SOIL MELIORATION

Abstract. *In recent years, agricultural workers have been attracted to a new class of polymers – polymer hydrogels, which swell in water but do not dissolve. They have a high water-absorbing capacity and can be used in crop production to improve the moisture supply of plants.*

Keywords: *polymer hydrogels, water absorption capacity, soil reclamation, polyacrylamide polymer.*

МЕДИЦИНА, ФАРМАЦИЯ

10.5281/zenodo.17747802

БАБАЕВ Дмитрий Викторовичассистент кафедры терапевтической стоматологии,
Кубанский государственный медицинский университет, Россия, г. Краснодар**АДАМЧИК Анатолий Анатольевич**доктор медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой терапевтической стоматологии,
Кубанский государственный медицинский университет, Россия, г. Краснодар

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ ВЕЙПИНГА НА СОСТОЯНИЕ ТВЕРДЫХ ТКАНЕЙ ЗУБОВ

Аннотация. В обзоре проанализированы и систематизированы актуальные научные свидетельства последствий использования СЭДН с рассмотрением патофизиологических механизмов повреждающего действия аэрозольных компонентов на структуру твёрдых тканей зубов.

Ключевые слова: электронные сигареты, вейпинг, никотин, эрозия эмали, деминерализация, кариес, кислотность.

Системы электронной доставки никотина (СЭДН), включая электронные сигареты (e-cigarettes) и вейпинг-устройства (с англ. «варе» – пар), демонстрируют стремительный рост популярности на протяжении последних двадцати лет, производители которых преподносят их как безопасную альтернативу традиционным табачным изделиям [1, с. 154]. Между тем, современные клинические и лабораторные исследования указывают на вредное воздействие вейпинга на ткани ротовой полости, включая прогрессирующие воспалительные заболевания пародонта, деминерализацию эмали, нарушение саливации и потенциальное канцерогенное воздействие на слизистую оболочку полости рта [2, с. 273].

Аэрозоль ЭС имеет сложный состав:

1. Жидкая Фаза 95–98% (Пропиленгликоль, растительный глицерин, никотин, ароматизаторы, подсластители (сахара), вода)
2. Газообразная Фаза 2–5% (Альдегиды, летучие органические соединения, оксиды)
3. Твёрдая Фаза 1% (Металлы (из нагревающего элемента) и силикаты) [3, с. 13–14].

Важно отметить, что pH водной фазы 6,5–7,5, что не является агрессивным показателем. Но в процессе нагревания (испарения) возникает деградация и распад сложных продуктов с образованием кислых соединений – формальдегид, ацетальдегид, пропиональдегид, уксусная кислота, молочная кислота и даже муравьиная кислота (особо кислая). Таким образом, pH смеси достигает значения 3,5–4,0 [5, с. 4–5].

Фундаментальное исследование Sancio et al. (2016) в журнале PLOS ONE провело систематический анализ pH у 39 коммерческих жидкостей для электронных сигарет различных производителей: диапазон pH 3,18–8,95 (медианное значение pH = 4,6), причём 74% исследованных жидкостей имели pH <5,5 (ниже критического порога деминерализации эмали). Жидкости с разными ароматизаторами демонстрировали качественно разный уровень pH: цитрусовые (лимон, апельсин) – pH 3,2–3,6, тропические фрукты (манго, ананас) – pH 3,6–4,0, ягодные (клубника, вишня) – pH 3,8–4,2.

Важно отметить, что при pH <5,5 буферная система слюны не справляется и происходит

реакция растворения гидроксиапатита:
 $\text{Ca}_{10}(\text{PO}_4)_6(\text{OH})_2 + 8\text{H}^+ \rightarrow 10\text{Ca}^{2+} + 6\text{HPO}_4^{2-} + 2\text{H}_2\text{O}$.

Кислая среда вызывает протонирование фосфатных групп, что дестабилизирует кристаллическую решётку и приводит к высвобождению ионов кальция и фосфата [6, с. 735-736].

Помимо этого, пропиленгликоль (PG) и глицерин (VG) в состоянии аэрозоля при контакте с поверхностью зуба создают гиперосмолярный градиент и как следствие осмотический стресс в структуре эмали. Можно выделить 2 звена механизма повреждения:

1. Дегидратация органического матрикса эмали (абсорбция молекул воды из межпризменного пространства -> сокращение органического матрикса и создание участков микронапряжений -> появление микротрещин на границе эмалевых призм).

2. Нарушение гидратной оболочки кристаллов гидроксиапатита (Каждый кристалл гидроксиапатита окружён гидратным слоем толщиной 2-3 нм. Дегидратация нарушает структурную стабильность кристаллов и тем самым повышает хрупкость эмали).

Механизм влияния аэрозоля ЭС на пелликулу:

- Пропиленгликоль дегидратирует пелликулу
- Альдегиды сшивают белки пелликулы (статерины, лизоцим, муцины)

- Высокая температура аэрозоля вызывает денатурацию белков [7, с. 2891-2892].

Клиническое исследование Ralho et al. (2019) в *Clinical Oral Investigations* подтвердило эти эффекты *in vivo*. При обследовании 89 пользователей ЭС (средний стаж 2,3 года) были выявлены признаки дегидратации эмали в 67% случаев (меловидные пятна, повышенная опалесценция). У интенсивных пользователей (>20 затяжек в день) микротвёрдость эмали была снижена на 19% по сравнению с контрольной группой [7, с. 2891-2892].

Специфическое исследование термического повреждения эмали во время применения ЭС: температура аэрозоля на выходе из мундштука в среднем 60–75°C, температура поверхности зуба составляет 30,4–30,9°C, > разницы температур более 10°C создаёт термомеханические напряжения на границе эмаль/дентин.

Повторяющиеся термоциклы (каждая затяжка) усугубляют микроповреждения эмали от кислых компонентов смеси >43% и снижает прочность на излом на 28% [8, с. 175-176].

Исследование Perez-Lopez et al. (2020) в *International Journal of Environmental Research and Public Health* провели серию тестов микротвёрдости по Виккерсу (200 г – 15 секунд) и проверку наноиндентации (изменение модуля упругости) на 60 образцах эмали, при этом выделили 4 группы: традиционные сигареты, электронные сигареты, кола и контроль.

Таблица 1

Влияние колы и сигарет на микротвёрдость эмали

Показатель	Традиционные сигареты	Электронные сигареты	Кола (pH 2.5)	Контроль
Микротвёрдость (HV)	298±22	271±24	256±28	343±18
Изменение / контроль	-13,1%	-21,0%	-25,4%	–

Важное наблюдение в ходе эксперимента: Электронные сигареты вызывали более выраженное снижение микротвёрдости, чем традиционные сигареты. Увеличение модуля упругости при снижении микротвёрдости указывает на то, что эмаль становится более жёсткой, но менее прочной – классический признак увеличения хрупкости [9, с. 12-14].

Carvalho et al. (2021) в *Archives of Oral Biology* изучили кинетику высвобождения минералов

при воздействии жидкостей для ЭС. Ход эксперимента: образцы эмали помещали в жидкости электронных сигарет (pH 3,8 и 4,5) и измеряли концентрацию ионов Ca^{2+} и PO_4^{3-} в растворе через 1, 2, 5, 10, 30 и 60 минут. Проводили сравнение с цитрусовым соком (pH 3,5) и колой (pH 2,5). Результаты сведены в таблицу, значения в мкмоль/см² (табл. 2):

Таблица 2

Степень высвобождения кальция (ЭС, Сок, Кола)

Время	ЭС pH 3,8	ЭС pH 4,5	Сок pH 3,5	Кола pH 2,5
1 мин	0,42±0,06	0,21±0,04	0,56±0,08	0,78±0,11
2 мин	0,89±0,11	0,43±0,07	1,12±0,14	1,54±0,19
5 мин	1,67±0,18	0,89±0,12	2,01±0,23	2,87±0,31
10 мин	2,34±0,24	1,34±0,16	2,89±0,29	4,12±0,42
30 мин	3,89±0,38	2,45±0,28	4,56±0,45	6,78±0,67
60 мин	4,78±0,47	3,12±0,34	5,67±0,54	8,34±0,81

Ключевые наблюдения в ходе эксперимента: жидкости для ЭС вызывают значительную деминерализацию, промежуточную между соком и колой; деминерализация дозозависима от pH; добавление пропиленгликоля усиливает деминерализацию на 15–20% по сравнению с водным раствором образца той же кислотности [10, с. 236].

Исследование Baehni & Takeuchi (2003) показало, что хотя эмаль бесклеточная, воспаление окружающих тканей влияет на неё через изменение состава десневой жидкости (десневая жидкость имеет более низкий pH (5,8–6,5) по сравнению со слюной и содержит противовоспалительные цитокины + металлопротеиназы. При наличии воспаления в десне увеличивается выход десневой жидкости) и влияние на пришеечную эмаль (цитокины (IL-1 β , TNF- α) активируют матриксные металлопротеиназы (ММП), ММП-8 и ММП-9 при этом способны деградировать органический матрикс эмали – эти процессы особенно выражены в пришеечной области зубов) [11, с. 153–154].

Crotty Alexander et al. (2018) в American Journal of Physiology подробно изучил воспалительный ответ на аэрозоль ЭС и сформулировал два звена патогенеза:

Дегградация пришеечной эмали (ММП-8 расщепляет амелогенины и энамелины, происходит снижение экспрессии щелочной фосфатазы – ключевого фермента минерализации и потеря органического матрикса на глубину 5–15 мкм).

Нарушение барьерной функции (деградированный матрикс становится более проницаемым для бактерий, повышенная колонизация *S. Mutans* в пришеечной области в 2,8 раза) [12, с. 1176].

Таким образом возникает синергизм факторов повреждения:

1. Начальная фаза (0–30 секунд после затяжки): горячий аэрозоль контактирует с эмалью, термическое расширение создаёт

микронапряжения, явление дегидратации пелликулы пропиленгликолем и глицерином.

2. Фаза кислотной атаки (30 секунд – 2 минуты): pH на поверхности эмали падает до значения 4,0–4,5, повреждённая пелликула не обеспечивает достаточной защиты и начинается растворение гидроксиапатита, дегидратация эмали усиливает диффузию кислоты в глубину.

3. Фаза остаточного действия (2–10 минут): гигроскопические компоненты продолжают абсорбировать молекулы воды, органический матрикс сокращается и возникают микротрещины 15–35 мкм, альдегиды и карбонилы сшивают белки, снижая эластичность твёрдых тканей зуба). По экспоненте увеличивается проницаемость для патогенной микрофлоры.

4. Хроническая фаза (при регулярном использовании): неполное восстановление пелликулы между сессиями пользования ЭС, кумулятивное накопление микроповреждений и прогрессирующая потеря минералов.

Комбинация факторов усиливает повреждение эмали зубов в 3–5 раз по сравнению с проявлением каждого из них по отдельности [13, с. 87].

Литература

1. Митропанова М.Н. Влияние вейпинга на здоровье полости рта / М.Н. Митропанова, Т.А. Пономаренко, В.В. Волобуев, С.Ш. Антониадис // В книге: Здоровьесберегающие технологии: опыт современности и технологии будущего. Материалы международной научно-практической конференции молодых учёных. Кубанский государственный медицинский университет. – Краснодар, 2023. – С. 154–159.

2. Романенко И.Г. Анализ влияния электронных сигарет (вейпов) на стоматологический статус. / И.Г. Романенко, С.М. Горобец, И.В. Горобец, Е.О. Бобков // Медицинский вестник Северного Кавказа. – 2024. – Т. 19 – № 3. – С. 272–277.

3. Cheng T. Chemical Evaluation of Electronic Cigarettes. // Tobacco Control. – 2014. – № 23 (Suppl 2). – С. 11-17.
4. Zhao T. Effects of design parameters and puff topography on heating coil temperature and mainstream aerosols in electronic cigarettes. / T. Zhao, S. Shu, Q. Guo, Y. Zhu // Tobacco Control. – 2016. – № 25 (Suppl. 1). – P. 17-26.
5. Sancilio S. Alginate/Hydroxyapatite-based nanocomposite scaffolds for bone tissue engineering improve dental pulp biomineralization and differentiation. / S. Sancilio, M. Gallorini, C. Di Nisio, E. Marsich, R. Di Pietro, H. Schweikl, A. Cataldi // PLoS ONE. – 2016. – 11 (4). – P. 1-18.
6. Chaffee B.W. Trends in characteristics and multi-product use among adolescents who use electronic cigarettes. / B.W. Chaffee, E.T. Couch, S.A. Gansky // Journal of the American Dental Association. – 2019. – 150 (8). – P. 733-741.
7. Ralho A. Effects of electronic cigarettes in oral cavity: A systematic review. // A. Ralho, A. Coelho, M. Ribeiro, A. Paula, I. Amaro, J. Sousa, C.M. Marto / Clinical Oral Investigations. – 2019. – 23 (12). – P. 2885-2897.
8. El-Safty S. Nanomechanical properties of dental resin-composites. / S. El-Safty, R. Akhtar, N. Silikas, D.C. Watts // Journal of Dentistry. – 2012. – 40 (2). – P. 174-180.
9. Perez-Lopez D. Impact of e-cigarette aerosol on enamel surface: A systematic review and meta-analysis. / D. Perez-Lopez, P. Varela-Centelles, M.J. Garcia-Pola, P. Castelo-Baz, D. Gonzalez-Fernandez // International Journal of Environmental Research and Public Health. – 2020. – 17 (22). – 8425. – P. 1-17.
10. Carvalho T.S Erosive effect of different dietary substances and medications on deciduous and permanent human teeth. / T.S. Carvalho, T.M. Schmid, T. Baumann, A. Lussi // Archives of Oral Biology. – 2021. – № 122. – P. 234-237.
11. Baehni P.C., Takeuchi Y. Antiplatelet agents in the prevention of biofilm-associated oral diseases. // Periodontology 2000. – 2003. – 31 (3). – P. 149-159.
12. Crotty A. Chronic inhalation of e-cigarette vapor containing nicotine disrupts airway barrier function and induces systemic inflammation and multiorgan fibrosis in mice / A. Crotty, C.A. Drummond, M. Hepokoski, D. Mathew, A. Moshensky, A. Willeford et al. // American Journal of Physiology. – 2018. – 314 (5). – P. 1175-1177.
13. Shahbazian N. The Effects of electronic cigarette aerosol on salivary flow rate and acquired pellicle formation: A clinical study. / N. Shahbazian, A. Babaloo, T. Ghaffari, M. Oveisi, N. Hanzadeh // BMC Oral Health. – 2021. – № 21 (85). – P. 1-87.

BABAEV Dmitrii Viktorovich

Assistant of the Department of Therapeutic Dentistry,
Kuban State Medical University, Russia, Krasnodar

ADAMCHIK Anatoly Anatolyevich

Doctor of Medical Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Therapeutic Dentistry, Kuban State Medical University,
Russia, Krasnodar

ANALYSIS OF THE EFFECT OF VAPING ON THE CONDITION OF DENTAL HARD TISSUES

Abstract. *The review analyzes and systematizes the current scientific evidence of the effects of the use of electronic nicotine delivery system (ENDS) with the consideration of the pathophysiological mechanisms of the damaging effect of aerosol components on the structure of hard tissues of teeth.*

Keywords: *electronic cigarettes, vaping, nicotine, enamel erosion, demineralization, dental caries, acidity.*

10.5281/zenodo.17762039

Ван Лючжицзя

ученик, Вторая средняя школа Цзямусы, Китай, г. Цзямусы

ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ: «СУПЕР-ПОМОЩНИК» В ДИАГНОСТИКЕ БОЛИ В ГРУДИ В ОТДЕЛЕНИИ НЕОТЛОЖНОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. Боль в груди – одна из самых частых причин обращения в отделение неотложной помощи, и её причины могут быть самыми разными – от опасных для жизни сердечных приступов до простых мышечных растяжений. Быстро определить степень серьёзности проблемы критически важно для спасения жизни. Искусственный интеллект (ИИ) действует как не устający «супер-мозг», который может одновременно анализировать симптомы пациента, данные ЭКГ и результаты анализов крови, помогая врачам быстрее и точнее находить причину. В этой статье простым и понятным языком объясняется, как ИИ становится надёжным помощником врача скорой помощи, рассказывается о его работе в реальной больнице и рассматривается, как он может изменить медицину будущего.

Ключевые слова: искусственный интеллект, боль в груди, неотложная помощь, диагностика, помощь врачу, для школьников.

Введение: проблема врача скорой помощи

Представьте себя на месте врача в отделении неотложной помощи, куда за вечер поступило несколько пациентов с жалобами на «боль в груди». Вам нужно быстро определить: у кого опасная болезнь сердца, а у кого – обычная изжога? Время ограничено, и ошибка в диагнозе может иметь серьёзные последствия.

Сегодня врачи в основном полагаются на свой опыт, расшифровку электрокардиограммы (ЭКГ) и анализы крови (например, на тропонин). Этот процесс очень напряжённый, а из-за усталости можно упустить из виду subtle, но важные детали.

Как искусственный интеллект становится «диагностическим помощником»?

Искусственный интеллект, в частности технология «глубокого обучения», – это как «супер-мозг», который умеет находить закономерности в огромных объёмах информации. Его задача в медицине – не заменять врача, а быть его «супер-помощником».

Как именно он работает?

1. Изучение тысяч медицинских случаев: сначала ИИ «изучает» истории тысяч предыдущих пациентов с болью в груди. Это включает их симптомы, историю болезней, данные ЭКГ, результаты анализов крови и итоговый диагноз.

2. Обнаружение скрытых

закономерностей: с помощью глубокого обучения ИИ может находить сложные взаимосвязи, невидимые невооружённым глазом. Например, он может обнаружить, что определённые, едва заметные изменения на ЭКГ в сочетании с возрастом пациента и конкретным показателем анализа крови с высокой вероятностью указывают на острый инфаркт миокарда.

3. Помощь в реальной диагностике: когда новый пациент с болью в груди поступает в приёмное отделение, система ИИ может быстро считать его данные и за несколько секунд проанализировать их, предоставив отчёт об оценке риска. Он может предупредить врача: «У этого пациента высокий риск сердечного приступа, обратите внимание!» или «У этого пациента риск крайне низок».

Проще говоря, ИИ = опытный + никогда не устający + зоркий диагностический помощник.

Ценность ИИ на практике

Какую же реальную пользу этот «супер-помощник» приносит в больнице?

1. «Всевидящее око»: ИИ обладает очень высокой чувствительностью в выявлении опасных для жизни состояний. Это означает, что он практически не пропускает тяжелобольных пациентов, действуя как надёжный «страховочный барьер» и предотвращая возможные ошибки.

2. Быстрое определение пациентов с

«низким риском»: Что еще важнее, ИИ имеет чрезвычайно высокую отрицательную прогностическую ценность. Это значит, что если ИИ оценивает риск пациента как «низкий», то этот пациент с очень высокой вероятностью не является тяжелобольным. Это помогает врачам быстро выделить большую группу безопасных пациентов, которых можно отпустить домой или перевести в обычное отделение, тем самым разгрузив отделение неотложной помощи и позволив врачам сконцентрироваться на тех, кто действительно нуждается в срочной помощи.

3. «Супер-мозг» для анализа информации: Врач должен изучать результаты обследований по очереди, а ИИ может мгновенно объединить симптомы, данные ЭКГ и лабораторные анализы в единую картину, предоставив более полное заключение для принятия врачом точного решения.

Будущее и перспективы

Конечно, сегодня ИИ – это всего лишь помощник, и окончательный диагноз и решение

всегда остаются за врачом. Системы ИИ также нуждаются в тестировании и улучшении в разных больницах, чтобы становиться «умнее» и «надёжнее».

В будущем мы можем ожидать, что ИИ будет помогать не только в диагностике боли в груди, но и при многих других заболеваниях. Он станет «ускорителем» обучения для молодых врачей и мощной «системой поддержки решений» для всех докторов, работая вместе на благо здоровья человека.

Заключение

Таким образом, искусственный интеллект вносит революционные изменения в диагностику боли в груди в неотложной медицине. Благодаря своей эффективности и точности, особенно в способности исключать опасные заболевания, ИИ становится незаменимым партнёром врача скорой помощи. Эта технология открывает нам окно в будущее медицины – будущее с более быстрой, безопасной и эффективной неотложной помощью.

Wang Liuzhijia

Student, Jiamusi Second Secondary School, China, Jiamusi

ARTIFICIAL INTELLIGENCE: A "SUPER-ASSISTANT" IN THE DIAGNOSIS OF CHEST PAIN IN THE EMERGENCY DEPARTMENT

Abstract. Chest pain is one of the most common reasons for going to the emergency room, and its causes can range from life-threatening heart attacks to simple muscle sprains. Quickly determining the severity of a problem is critical to saving lives. Artificial intelligence (AI) acts as a never-tiring "super-brain" that can simultaneously analyze a patient's symptoms, ECG data, and blood test results, helping doctors find the cause faster and more accurately. This article explains in simple and understandable language how AI becomes a reliable assistant to an emergency doctor, talks about his work in a real hospital and examines how he can change the medicine of the future.

Keywords: artificial intelligence, chest pain, emergency care, diagnosis, doctor's aid, for schoolchildren.

ФИЛОЛОГИЯ, ИНОСТРАННЫЕ ЯЗЫКИ, ЖУРНАЛИСТИКА

РАШИДОВА Дилафруз Абдукаюмовна

к.ф.н., доцент кафедры английского языка,
Худжандский государственный университет имени академика Б. Гафурова,
Республика Таджикистан, г. Худжанд

ШОКИРОВ Джамшед Валиевич

к.ф.н., доцент кафедры иностранных языков, Республика Таджикистан, г. Худжанд

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И ИХ РОЛЬ В ТЕОРИИ ПЕРЕВОДА

***Аннотация.** Переводоведение приобрело особое место и статус в науке переводоведения, и бесчисленное множество отечественных и зарубежных ученых и исследователей посвятили свои усилия его изучению.*

***Ключевые слова:** перевод, трансформация перевода, теория, практика.*

Мувофиқи иттилои сарчашмаву манобеи илмӣ таърихи пайдоиши таҳвилҳои тарҷума дар натиҷаи муодилсозии матни тарҷума бо асл, бавижа, ҳангоми бемуодилии ибораҳои фразеологӣ, реалияҳо, интиқоли вижагиҳои фарҳангӣ-миллӣ, маънидоди маълумоти динӣ ва матни манзум рост омад. Дар назарияи тарҷума таҳвилҳои луғавӣ, луғавӣ-маъноӣ, луғавӣ-грамматикӣ ва услубӣ аз маъмултарин усулҳои баробарсозии маъноӣ маҳсуб мешаванд.

Дар назарияи муосири тарҷумашиносӣ масъалаи **таҳвилҳои тарҷума** яке аз мафҳумҳои калидӣ маҳсуб меёбад, ки дар ташаккули методологияи илмии тарҷума нақши муҳим мебозад. Ҳанӯз аз миёнаи асри XX олимони соҳаи тарҷумашиносӣ ба таҳқиқи роҳҳои ивазшавии воҳидҳои забонӣ ва маъноии матн ҳангоми тарҷума шурӯъ намуданд. Ин раванд дар адабиёти илмӣ бо номҳои гуногун – «трансформация», «преобразование», «илтифот», «ҷойгузинӣ» – ёд мешавад, вале моҳиятан ҳамаи онҳо як падидаи умумиро ифода мекунад: гузариш аз як шакли забонӣ ба шакли дигари он бо ҳифзи маъноӣ асли [4, с. 12].

Ба илова, калимаву ибораҳои ҳастанд, ки сермаъно мебошанд, аммо дар забони тарҷума чунин луғатҳои муодил ба чашм намерасад,

пас, дар ин ҳолат низ тарҷумон бештар ба таҷрибаву маърифат ва қорбурди таҳвилҳои тарҷума таъйид мекунад. Аммо дар баъзе ҳолатҳо тарҷумон барои муодилсозии вожаҳои сермаъно иштибоҳан обурани тавсифӣ ё тобишҳои маъноиро нодуруст интихоб мекунад ва дар натиҷа нобаробарии забони асл ва тарҷума рӯйи қор меояд. Аз ин хотир таҳвилҳои ҳастанд, ки ҷиҳати интиқоли бештари мазмун ва мундариҷаи ахбори асли тавассути воҳидҳои тарҷума имкон медиҳанд.

Таҳқиқи системавии ин масъала имконият фароҳам овард, ки тарҷума на танҳо ҳамчун амалиёти забонӣ, балки ҳамчун раванд ва фаъолияти фикрии мураккаб арзёбӣ гардад. Таҳвилҳои тарҷума имкон медиҳанд муносибатҳои байни воҳидҳои ду забон дар сатҳҳои лексикӣ, грамматикӣ ва услубӣ муайян карда шаванд [2, с. 38].

Мафҳуми таҳвилҳои тарҷума дар паҷӯишҳои лингвистони рус ва аврупоӣ васеъ инкишоф ёфт. Аз нуқтаи назари В. Н. Комиссаров, таҳвил ин воситаи асосии таъминкунондаи баробарии коммуникативӣ байни матни асл ва матни тарҷумашуда мебошад [2, с. 45]. Дар навбати худ, Я. И. Ретскер яке аз аввалинҳо буд, ки мафҳуми «муқобилияти функционалӣ»-ро пешниҳод намуд, яъне ҳар як воҳиди забонӣ метавонад

дар забони дигар бо воҳиди дигар иваз шавад, агар ин ивазкунӣ вазифаи маъноиро пурра таъмин намояд [4, с. 27].

Корбурд ва таъсири таҳвилҳои тарҷума дар ҳоле равшан мегардад, ки дар он ҳар як вожа, ибора, ҷумлаи забони асл дар раванди интиқол бо тамоми нозукиҳои забони тарҷума, зерматн, дараҷаҳои иттилооте, ки дар ҳолатҳои мушаххас ҷустуҷӯи усулу методҳои мухталифро тақозо мекунад. Дар ин росто таҳвилҳои луғавӣ бештар вижагиҳои луғавии матнро ҳосил ва ифода мекунам, таҳвилҳои грамматикӣ бошанд ба сохтори нахвию сарфии матн алоқаманданд ё худ таҳвилҳои услубӣ бештар ба муодилсозии шеваи баёни матни тарҷума нисбат ба матни асл робитаи қавӣ доранд.

Ин равиш асоси назарияи классикии тарҷумашиносии шӯравиро гузошт, ки минбаъд аз ҷониби Бархударов, Латишев, Швейцер ва дигарон такмил ёфт. Онҳо таъкид мекарданд, ки таҳвилҳо на танҳо натиҷаи фарқияти сохтори забонҳоанд, балки натиҷаи **фарқияти тафаккури миллӣ ва фарҳангӣ** низ ҳастанд [1, с. 66].

Дар адабиёти илмӣ навъҳои гуногуни таҳвилҳо зикр мешаванд. Аз ҷумла, В. Н. Комиссаров онҳоро ба се гурӯҳи асосӣ ҷудо мекунад:

1. **Таҳвилҳои лексикӣ**, ки ҳангоми иваз шудани маъноҳои калимаҳо ба миён меоянд (мисли умумисозӣ, мушаххасгардонӣ, метафориксозӣ ва ғ.).

2. **Таҳвилҳои грамматикӣ**, ки ба тағйири шакли грамматикӣ ё сохтмони ҷумла вобастаанд.

3. **Таҳвилҳои услубӣ**, ки барои мутобиқ кардани услуби матн ба меъёрҳои забони қабулкунанда истифода мешаванд [2, с. 53].

Ба ақидаи Бархударов [1, с. 82], ҳар як навъи таҳвилҳо бояд дар заминаи муносибатҳои семантикӣ ва сохтории забонҳо омӯхта шавад. Ё инчунин ба аҳамияти таҳвилҳои таркибӣ ишора мекунад, ки ҳангоми тағйири ҷойи аъзои ҷумла ё сохтори ҷумла ба амал меоянд.

Дар натиҷаи омӯзиш ва таҳқиқи амиқ маълум гардид, ки дар китобҳои дигар В.Н. Комиссаров ва Л.С. Бархударов таснифоти хешро тағйир додаанд:

В.Н. Комиссаров	Л.С. Бархударов
- ҷойивазкунии сохтори калима	Ҷойивазкунии сохтори калима
- ҷойивазкунии ҳиссаҳои нутқ	Ҷойивазкунии ҳиссаҳои нутқ
- ҷойивазкунии аъзоҳои ҷумла	Ҷойивазкунии аъзоҳои ҷумла
- ҷойивазкунии навъи ҷумла: ба ҷумлаҳои алоҳида ҷудо кардан; якҷоя сохтани ҷумлаҳо.	Ҷойивазкунии синтаксикӣ дар ҷумлаҳои мураккаб (муттаҳид ва ҷудо кардани ҷумлаҳо)
6. Таҳвили луғавӣ-грамматикӣ: тарҷумаи тазодӣ (антономический перевод)	Тарҷумаи тазодӣ
Тавсифӣ (экспликация)	
Ҷуброни мазмун (компенсация)	Ҷуброни мазмун (компенсация)
7. Усулҳои техникаи тарҷума: - ҷой иваз кардан; - ҳазф кардан; - илова кардан.	2. тағйири ҷойи калимаҳо; 3. илова кардан; 4. ҳазф кардан.

Аз қиёс ва муқобалаи таснифоти В.Н. Комиссаров ва Л.С. Бархударов бармеояд, ки андешаву пешниҳоди эшон аз бисёр ҷиҳат дорои умумиятҳо буда, танҳо баъзе тафовут дар таснифоти В.Н. Комиссаров дида мешавад. Масалан, усули тарҷумаи тавсифӣ (экспликация) дар таснифоти Л.С. Бархударов ба ҷашм нарасид. Пас, равшан мегардад, ки пешниҳоди андешаҳои онҳо дар бобати анвои таҳвилҳои тарҷума шабоҳати том дошта, ҳар ду ҷонибдори ҷунин таснифоти ягона мебошанд.

Таҳвилҳо воситаи марказии **таҳлил ва омӯзиши муқоисавии тарҷума** ба шумор мераванд. Онҳо имкон медиҳанд, ки муносибати байни воҳидҳои ду забон тавсиф ва системабандӣ гардад. Ба воситаи таҳвилҳо мо метавонем сабабҳои гуногунии тарҷумаҳои як матнро дар забонҳои гуногун фаҳмем.

Дар амалияи тарҷума, махсусан дар тарҷумаи бадеӣ, таҳвилҳо барои ҳифзи таъсири эстетикӣ ва услубии матни асл нақши муҳим мебозанд. Барои мисол, ҳангоми тарҷумаи асарҳои адабии классикӣ истифодаи

метафораҳои миллӣ аксаран нӣёз ба таҳвилҳои семантикӣ дорад, то маъноӣ рамзӣ ва эҳсосӣ хифз гардад [3, с. 47].

Бо вучуди таҳқиқоти васеъ, масъалаи таҳвилҳо дар тарҷума то ҳол пурра ҳал нагардидааст. Баъзе муҳаққиқон [5, с. 101] бар ин назаранд, ки категорияи «таҳвил» бояд бештар ба равандҳои маъноӣ нисбат дода шавад, на ба сохтори грамматикӣ. Дигарон, ба монанди Комиссаров, бар инанд, ки таҳвилҳо бояд ҳам маъноӣ ва ҳам сохториро дар бар гиранд.

Ин ихтилоф аз он шаҳодат медиҳад, ки масъалаи таҳвилҳо дар маркази равандҳои назариявӣ ва амалӣ боқӣ мондааст. Он на танҳо масъалаи забонӣ, балки масъалаи **фалсафии тарҷума** мебошад – чӣ гуна маъно аз як фарҳанг ба фарҳанги дигар мегузарад.

Дар натиҷа, метавон гуфт, ки таҳвилҳои тарҷума яке аз унсурҳои асосии назарияи муносири тарҷумашиноӣ мебошанд. Онҳо на танҳо воситаи амалӣ барои тарҷумон, балки ченаки илмӣ барои таҳқиқи равандҳои муқоисавии забонҳо мебошанд. Фаҳмидани табиати таҳвилҳо ба муваффақияти тарҷума, ба вижа дар шароити бисёрзабонагии ҷаҳони муосир, таъсири амиқ мерасонад.

Бо така ба пажӯҳишҳои муҳаққиқони пешбар метавон ҳулоса кард, ки таҳвилҳо – ин на танҳо воситаи забонӣ, балки воситаи **фикронӣ ва фарҳангӣ** мебошанд, ки имкон медиҳанд робитаи маъноӣ байни ду ҷаҳонбинии забонӣ таъмин гардад.

Адабиёт

1. Бархударов, Л. С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. Москва: Международные отношения, 1975. – 239 с.
2. Комиссаров, В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Москва: Высшая школа, 1990. – 253 с.
3. Латышев, Л. К. Перевод: проблемы теории, практики и методики преподавания. Москва: Просвещение, 1988. – № страниц не удалось найти.
4. Ретскер, Я. И. Теория перевода и переводческая практика. Москва: Гослитиздат, 1950.
5. Швейцер, А. Д. Современное переводоведение. Москва: Наука, 1988.

RASHIDOVA Dilafruz Abdukayumovna

PhD, Associate Professor of the Department of English,
Khujand State University named after Academician B. Gafurov,
Republic of Tajikistan, Khujand

SHOKIROV Jamshed Valievich

PhD, Associate Professor of the Department of Foreign Languages,
Republic of Tajikistan, Khujand

TRANSLATION TRANSFORMATIONS AND THEIR ROLE IN TRANSLATION THEORY

Abstract. Translation studies has acquired a special place and status in the science of translation studies, and countless domestic and foreign scientists and researchers have devoted their efforts to its study.

Keywords: translation, translation transformation, theory, practice.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ, ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ, ДИЗАЙН

ОЖЕРЕДОВА Анастасия Андреевна

студентка, Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Россия, г. Волгоград

Научный руководитель – доцент Волгоградского государственного социально-педагогического университета, кандидат педагогических наук Котельникова Надежда Николаевна

ВЛИЯНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МЕНТАЛИТЕТА НА ЛИНГВИСТИЧЕСКУЮ СОСТАВЛЯЮЩУЮ БЛОГОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКИХ БЛОГОВ О ПУТЕШЕСТВИЯХ ПО РОССИИ)

Аннотация. В статье представлен анализ влияния китайского национального менталитета на лингвистические особенности блогов о путешествиях по России. На материале 50 текстов с платформ WeChat и «小红书» выявлены характерные лексические, грамматические и стилистические особенности, отражающие коллективистскую ориентацию, конфуцианские ценности гармонии и уважения к традициям. Проведен сравнительный анализ с русскими блогами о Китае (30 текстов), показавший существенные различия в восприятии культурных особенностей. Установлено, что китайские блогеры склонны к поэтическим описаниям, использованию эмоционально-оценочной лексики и избеганию критики, тогда как русские авторы демонстрируют прагматизм, аналитичность и открытое выражение мнений.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, национальный менталитет, лингвистический анализ, блоги о путешествиях, китайский менталитет, русский менталитет.

С развитием российско-китайских отношений и ростом популярности блог-платформ изучение особенностей межкультурной коммуникации в онлайн-пространстве приобретает особую актуальность. Блоги о путешествиях становятся не только источником информации о других странах, но и репрезентацией национального менталитета их авторов. Данное исследование направлено на выявление лингвистических особенностей китайских блогов о России, обусловленных влиянием национального менталитета.

Материал и методы исследования

В качестве материала исследования были отобраны 50 китайских блогов о путешествиях по России с платформ WeChat и 小红书 (2020–2025 гг.) и 30 русских блогов о Китае с платформ Живой Журнал, Яндекс.Дзен и ВКонтакте за аналогичный период. Использовались методы контент-анализа, сравнительного анализа и лингвистического анализа.

Лингвистические особенности китайских блогов о России

Лексические особенности характеризуются использованием эмоционально-оценочной лексики с позитивной семантикой: «壮观» («великолепный»), «惊叹» («изумительный»), «震撼» («ошеломляющий»). Описания природы и архитектуры содержат поэтические сравнения: «贝加尔湖的湖水清澈，壮观无比» («Вода Байкала кристально чистая, невероятно великолепная»). Русская кухня описывается сдержанно: «罗宋汤味道独特» («Борщ уникален на вкус»).

Грамматические особенности проявляются в лаконичности синтаксических конструкций и использовании модальных частиц: 了 (завершенность), 吧 (предположение), 呢 (риторический акцент). Например: «冬宫很震撼了» («Зимний дворец очень впечатляет»).

Стилистические особенности включают риторические вопросы («谁能不想来莫斯科呢?» –

«Кто не захочет приехать в Москву?»), аллюзии на китайскую культуру («就像山水画一样宁静» – «Как картина шаньшуй, полная покоя») и избегание прямой критики.

Сравнительный анализ с русскими блогами о Китае

Русские блоги демонстрируют иные лингвистические характеристики:

- Прагматичная лексика: «удивительный», «экзотический», «необычный»;
- Сложные синтаксические конструкции с придаточными предложениями;
- Открытая рефлексия и критика: «Странная еда», «Переполненный транспорт»;
- Юмор и ирония: «Китайцы едят всё, что движется».

Сравнительная таблица основных различий:

Таблица

Характеристика	Китайские блоги	Русские блоги
Лексика	Эмоционально-поэтическая	Прагматично-оценочная
Синтаксис	Лаконичный	Развернутый
Критика	Отсутствует	Открытая
Фокус	Эстетическое восприятие	Практическая информация

Заключение

Лингвистический анализ подтвердил значительное влияние национального менталитета на особенности ведения блогов о путешествиях. Китайские блогеры демонстрируют коллективистский подход, стремление к гармонии и уважение к культурным традициям, что отражается в поэтичности описаний и избегании конфликтных тем. Русские авторы проявляют индивидуализм, аналитичность и прагматизм в описании культурных особенностей. Полученные результаты могут быть использованы в практике преподавания межкультурной

коммуникации и развитии туристического контента для китайской аудитории.

Литература

1. Бонд М. Оксфордский справочник по китайской психологии. 2010.
2. Тань А. Китайская картина мира: Язык, культура, ментальность. 2004.
3. Леонтович О.А. Россия и США: Введение в межкультурную коммуникацию. 2003.
4. Гузикова М.О., Фофанова П.Ю. Основы теории межкультурной коммуникации. 2015.
5. Чжан Х. Лингвистические особенности китайских туристических блогов. 2023.

OZHEREDOVA Anastasia Andreevna

Student, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Russia, Volgograd

*Scientific Advisor – Associate Professor of Volgograd State Socio-Pedagogical University,
Candidate of Pedagogical Sciences Kotelnikova Nadezhda Nikolaevna*

**THE INFLUENCE OF NATIONAL MENTALITY
ON THE LINGUISTIC COMPONENT OF TRAVEL BLOGS
(USING THE EXAMPLE OF CHINESE TRAVEL BLOGS IN RUSSIA)**

Abstract. The article presents an analysis of the influence of the Chinese national mentality on the linguistic features of travel blogs in Russia. Based on the material of 50 texts from the WeChat and the "小红书" platforms, characteristic lexical, grammatical and stylistic features reflecting the collectivist orientation, Confucian values of harmony and respect for traditions were revealed. A comparative analysis with Russian blogs about China (30 texts) was carried out, showing significant differences in the perception of cultural features. It has been found that Chinese bloggers are prone to poetic descriptions, the use of emotionally evaluative vocabulary and avoidance of criticism, while Russian authors demonstrate pragmatism, analyticity and open expression of opinions.

Keywords: intercultural communication, national mentality, linguistic analysis, travel blogs, Chinese mentality, Russian mentality.

ПОЛИТОЛОГИЯ

ДВОРЦОВ Алексей Олегович

магистрант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

*Научный руководитель – профессор кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии Казанского (Приволжского) федерального университета,
доктор экономических наук, доцент Мисбахова Чулпан Адиповна*

ЦИФРОВЫЕ АСПЕКТЫ УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые цифровые аспекты украинского кризиса как составной части современного геополитического противостояния. Особое внимание уделяется роли информационно-коммуникационных технологий в формировании общественного мнения, распространении дезинформации, проведении кибератак и трансформации медиaprостранства.

Исследуется позиция России в условиях масштабной цифровой конфронтации, включая меры по обеспечению информационной безопасности, защите цифрового суверенитета, развитию отечественных технологических решений и формированию устойчивой цифровой инфраструктуры. Рассматриваются международные усилия по регулированию цифрового пространства и противодействию киберугрозам, включая российские инициативы в рамках ООН.

Автор делает вывод о нарастающем значении цифрового измерения современных конфликтов и подчеркивает необходимость выработки стратегий, сочетающих технологическое развитие, правовое регулирование и информационную устойчивость в условиях растущей зависимости общества от цифровых платформ и систем.

Ключевые слова: цифровая безопасность, дезинформация, киберугрозы, информационная война, цифровой суверенитет, социальные сети.

С развитием информационных и коммуникационных технологий цифровое пространство становится важным элементом современного международного и внутригосударственного взаимодействия. Особенно остро эта проблема проявилась в контексте украинского кризиса, где цифровая сфера стала не только инструментом информирования, но и полем активного воздействия на общественное мнение, политическую ситуацию и экономическую стабильность.

Информационная безопасность, особенно в условиях геополитических противоречий, выходит на первый план. Россия, как одна из ведущих стран мира, разрабатывает собственные подходы к обеспечению цифровой устойчивости, защиты национальных интересов и поддержки стабильности в глобальной информационной среде.

В условиях острого геополитического противостояния цифровое пространство стало

одной из главных арен конфликта, где информационные технологии выступают полноценными средствами стратегического воздействия. Украинский кризис наглядно показал, что современные противоборства разворачиваются не только в физической, но и в цифровой плоскости: в социальных сетях, мессенджерах, на видеоплатформах и новостных ресурсах.

Дезинформация в контексте конфликта проявляется в виде фейковых новостей, фото-монтажа и «глубоких фейков», предназначенных для формирования негативного образа России в международном медиаполе. В периоды обострения конфликта количество подобных материалов многократно возрастает.

Россия, столкнувшись с масштабным цифровым давлением, выработала системный ответ, основанный на мониторинге информационного поля и оперативном реагировании на деструктивные потоки. Внедрена

инфраструктура, позволяющая выявлять источники опасного контента и принимать меры – от маркировки до блокировки.

Киберпространство стало еще одной зоной противостояния. Зафиксированы атаки на государственные и коммерческие системы, включая органы власти, банки, электросети и медицинские учреждения. Такие киберинциденты показали, насколько цифровая безопасность напрямую влияет на функционирование государства и повседневную жизнь.

Цифровые аспекты украинского кризиса подтверждают, что информационно-технологическое измерение становится ключевым фактором современных конфликтов. Россия отвечает на вызовы, укрепляя внутреннюю цифровую устойчивость и развивая независимую информационно-технологическую стратегию.

Социальные сети в условиях украинского кризиса превратились в мощный инструмент влияния на массовое сознание, особенно среди молодёжи, активно использующей цифровые платформы как основной источник новостей. Информация здесь распространяется с высокой скоростью, часто минуя журналистскую проверку, что создаёт питательную среду для манипуляций и вбросов. Telegram стал одним из центральных каналов цифрового взаимодействия, где нередко публикуются материалы, искажающие события, нагнетающие тревожность или формирующие враждебные настроения. В ответ на подобные вызовы Россия выстроила систему реагирования, ориентированную на контроль за содержанием в сетях: осуществляется блокировка ресурсов, распространяющих экстремистский и деструктивный контент, введены обязательства для платформ по удалению материалов, нарушающих законодательство, а также созданы инструменты мониторинга цифровой среды.

Медиа играют ключевую роль в формировании восприятия конфликтов, превращаясь из источников информации в инструменты влияния. В условиях украинского кризиса медиаполе стало ареной конкурирующих нарративов, где государственные, иностранные и альтернативные источники создают разрозненные картины происходящего. Национальные СМИ, как правило, транслируют официальную позицию, поддерживая внутреннюю стабильность и формируя последовательное понимание событий. В то же время иностранная пресса зачастую действует в рамках собственных

политических интересов, что может вести к искажению фактов, одностороннему освещению конфликта и формированию предвзятого отношения к России.

Наряду с информационным воздействием, цифровой кризис имеет ярко выраженное экономическое измерение. Кибератаки способны парализовать работу предприятий, привести к утечке данных, финансовым потерям и снижению доверия к цифровым системам, что в совокупности тормозит развитие цифровой экономики. Даже кратковременные сбои в функционировании инфраструктуры могут иметь серьезные последствия, особенно с учетом высокой степени цифровизации многих отраслей. Россия, сталкиваясь с подобными угрозами, последовательно укрепляет защиту критически важных объектов ИКТ, развивает собственные технологические решения и совершенствует нормативную базу регулирования цифровой среды.

Российская Федерация последовательно продвигает концепцию цифрового суверенитета как одну из основ своей внешнеполитической и информационной стратегии. На протяжении последних десяти лет Россия подчёркивает необходимость создания многополярной и справедливой архитектуры цифрового пространства, в которой каждая страна имела бы право на независимую цифровую политику, защиту информационных ресурсов и сохранение культурной идентичности в интернете. С началом украинского кризиса акценты российской политики в цифровой сфере стали ещё более четкими. В официальных заявлениях выступлениях МИД РФ и президента подчеркивается, что Россия подвергается массовой информационной и киберконфронтации организуемой преимущественно западными странами.

Украинская сторона в вопросе цифровой политики последовательно позиционирует себя как жертву гибридной агрессии, в которой киберпространство используется как одно из ключевых направлений атаки. С 2014 года Украина называет Россию инициатором информационно-психологических операций и разрушительных кибератак, направленных на дестабилизацию государственного управления, разрушение общественного доверия и запугивание населения. Украина активно интегрирует свои цифровые инициативы в западные структуры с 2022 года значительно усилилось сотрудничество с ЕС и НАТО в области

информационной безопасности развиваются платформы киберобмена с Microsoft Amazon и другими компаниями продолжается миграция государственных сервисов в облачные дата-центры на территории стран ЕС и США. Ключевым идеологическим посылом украинской цифровой повестки является утверждение, что интернет должен оставаться «открытым и свободным» но при этом контролируемым в смысле борьбы с дезинформацией.

Коллективный Запад выступает с позиции технологического доминирования и стандартов подчеркивая свою роль как защитника «цифровых свобод» и «либеральных ценностей» в интернете. Однако на практике политика ЕС США и НАТО характеризуется одновременно и активной борьбой с альтернативными точками зрения, и активным вмешательством в цифровые процессы других государств. С начала украинского конфликта западные организации усилили меры по синхронизации цифровой политики между собой включая работу аналитических центров и разведслужб начали финансировать проекты по контрпропаганде на платформах социальных сетей поддерживали многочисленные санкции против российских IT-компаний, а также отключение России от международных платформ и сервисов. Также в риторике Запада нарастает тенденция к созданию новых стандартов цифрового регулирования направленных на сдерживание «вредоносных государств».

Развивающиеся страны и региональные объединения такие как БРИКС ШОС и Африканский союз занимают взвешенную и прагматичную позицию в отношении цифрового кризиса, вызванного украинским конфликтом. Хотя большинство из них формально избегают жёсткой политизации вопроса на практике они всё чаще заявляют о необходимости цифрового нейтралитета и недопустимости цифровой дискриминации. Некоторые страны Латинской Америки Африки и Азии отказываются присоединяться к западным цифровым санкциям выступают за децентрализацию глобального цифрового управления создают собственные региональные платформы и облачные сервисы. Региональные организации также начинают продвигать идею цифрового суверенитета аналогичную российской.

Примеры цифровых атак и их последствия. Цифровое измерение украинского кризиса не ограничивается лишь политикой или риторикой – оно материализуется в конкретных актах

воздействия: кибератаках взломах операциях по психологическому влиянию и деструктивных информационных кампаниях.

С начала 2014 года Украина столкнулась с массовыми кибератаками, направленными против государственных и инфраструктурных объектов. Наиболее резонансные инциденты включают Атаку BlackEnergy (декабрь 2015 года). Эта атака считается первым в истории успешным кибервмешательством, вызвавшим отключение электроэнергии в масштабах целого региона. В результате действия вируса BlackEnergy и вспомогательных скриптов вредоносные группы получили удалённый доступ к системам энергокомпаний в Ивано-Франковской области отключив подстанции. По данным аналитиков атака имела высокую степень координации и преднамеренную стратегическую цель: вызвать хаос подорвать доверие к государственным институтам и продемонстрировать уязвимость ключевой инфраструктуры. Вирус NotPetya (июнь 2017 года) является одним из самых разрушительных вредоносных воздействий в истории интернета поразившим государственные и частные системы Украины, а затем распространившимся глобально (в том числе на системы в России Европе и США). Изначально замаскированный под финансовое ПО NotPetya уничтожал информацию парализуя работу госорганов банков транспортных компаний. Ущерб только в Украине составил сотни миллионов долларов, а глобальные потери превысили \$10 млрд.

Информационное поле конфликта превратилось в арену борьбы за интерпретации эмоции и факты. Кампании по дезинформации сопровождают почти каждый этап кризиса начиная с Евромайдана 2013–2014 годов. «Firehose of Falsehood» (термин RAND) модель «пожарного шланга лжи» описывает массовое многоканальное распространение недостоверной информации – с высокой скоростью в больших объёмах без оглядки на согласованность. Эта модель приписывается в первую очередь российским СМИ и Telegram-каналам, однако сами российские аналитики отмечают, что аналогичные подходы активно применяются Западом особенно через НКО и англоязычные медиа (BBC CNN). Deepfake и ИИ-технологии с 2022 года наблюдается рост технологически сложных фейков включая видео с якобы «президентом Украины» «капитуляцией ВСУ» и др. Большинство таких фейков быстро

разоблачались, но уже успевали вызвать краткосрочную дезориентацию среди населения.

Последствия цифровых атак и информационных операций не ограничиваются моментальными эффектами: они приводят к долгосрочным изменениям в экономической инвестиционной и общественной сферах. Экономический ущерб согласно докладам международных консалтинговых агентств и украинского правительства совокупный ущерб от кибератак (включая NotPetya) превышает \$1 млрд. Особенно сильно пострадали банковский сектор, госфинансы, логистика и транспорт (включая аэропорты ж/д) компании, работающие с персональными данными. Отток IT-компаний и инвестиций с 2014 года в связи с рисками цифровой безопасности из Украины частично ушли такие компании как IBM Oracle и ряд облачных провайдеров.

Международное сотрудничество в условиях цифрового кризиса, развернутого на фоне украинского конфликта, приобретает всё более многослойный и противоречивый характер. С одной стороны, на глобальном уровне усиливается взаимодействие государств, технологических платформ, международных организаций и исследовательских институтов, объединённых общей задачей – борьбой с киберугрозами и деструктивной дезинформацией.

В период с 2014 года международное сообщество начало активизацию совместных мер в сфере информационной безопасности и цифрового контроля. Конфликт вокруг Украины стал катализатором для множества инициатив, прежде всего на площадках ЕС, НАТО, ОБСЕ, а также в рамках G7.

Западные государства, в первую очередь США и страны ЕС, стали формировать собственные системы противодействия дезинформации, привлекая крупные медиаплатформы, такие, как Google и Twitter/X. Сотрудничество стало выражаться в создании специальных подразделений, занимающихся «фактчекингом», маркировкой контента, а также в алгоритмической фильтрации альтернативных нарративов. Этот подход позиционировался как «оборонительный», но вызвал критику со стороны ряда стран и аналитиков, так как в нём проявлялись признаки информационной монополии.

На региональном уровне определённую активность проявили организации, такие как ШОС и БРИКС. В их рамках усилились дискуссии о необходимости создания собственных

механизмов информационной защиты, не зависящих от западных платформ. Была подчеркнута идея технологического суверенитета и цифровой справедливости. В ряде заявлений подчеркивается, что борьба с дезинформацией не должна становиться прикрытием для вмешательства во внутренние дела государств и подавления альтернативных точек зрения.

На фоне этих процессов особенно интересна роль Организации Объединённых Наций. Несмотря на свои формально нейтральные принципы, ООН в последние годы также начала выработать подходы к регулированию цифровой сферы, в том числе к вопросам кибербезопасности, этики искусственного интеллекта, трансграничной передачи данных и информационных интервенций.

Однако, несмотря на некоторый прогресс, позиция ООН остаётся ограниченной: слабой юридической обязательностью резолюций, а также постоянными попытками западных стран использовать площадку организации для продвижения собственных трактовок информационной угрозы. Россия, в свою очередь, продолжает продвигать идею глобального договора о неиспользовании ИКТ в военных и подрывных целях, но эта инициатива пока не получила широкой поддержки, в силу сохраняющегося глобального недоверия между цифровыми державами.

Международное сотрудничество в цифровой сфере, ускоренное украинским кризисом, носит парадоксальный характер. С одной стороны, оно показывает стремление государств к согласованию политики в киберпространстве.

Цифровой кризис, ставший частью более широкого конфликта вокруг Украины, стал для Российской Федерации не только вызовом, но и стимулом к переосмыслению собственной цифровой стратегии. Россия, оказавшись в условиях нарастающего внешнего давления, информационной конфронтации и цифровой изоляции, ответила на угрозы формированием многослойной политики, охватывающей правовую, технологическую и международную сферы.

Концепт цифрового суверенитета стал краеугольным камнем российской стратегии в 2020-е годы. В условиях, когда основные цифровые платформы – от поисковых систем до социальных сетей – контролируются западными корпорациями, Россия всё более последовательно выстраивает нормативно-технологическую основу для независимого

функционирования собственного цифрового пространства. Это проявляется в ряде законодательных и инфраструктурных инициатив.

Ключевой технической вехой стало развитие системы так называемого «суверенного интернета» – архитектуры, позволяющей при необходимости изолировать российский сегмент интернета от глобальной сети. Хотя подобные меры вызывают критику за якобы «изоляционизм», в условиях нарастающей цифровой фрагментации мира и открытых попыток отключения России от глобальных информационных сервисов, они рассматриваются как логичный шаг по обеспечению устойчивости и управляемости национальной цифровой среды.

Неразрывно связанной с понятием суверенитета стала стратегия по разработке и внедрению отечественных технологий. Уже в первые месяцы обострения украинского кризиса стало очевидно, что импортозамещение в сфере ИТ, ранее определявшееся как приоритет, должно быть реализовано в срочном порядке. В результате были приняты масштабные меры поддержки российских разработчиков: запущены налоговые льготы, грантовые программы и специальные венчурные инициативы.

Особую роль сыграло усиление взаимодействия государства с частным технологическим сектором, включая крупных игроков (Яндекс, VK, Ростех, КРОК) и развивающиеся стартапы. На фоне ухода ряда иностранных компаний, таких как Microsoft, Cisco и Oracle, Россия активизировала процессы создания функциональных аналогов.

Отдельным направлением российской стратегии стала системная работа по поддержке информационной безопасности, как внутри страны, так и за её пределами. Внутри страны эта политика реализуется через создание многоуровневой системы реагирования на киберугрозы: действует Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам (НКЦКИ), развиваются отраслевые CERT-группы, проводятся регулярные учения, включая сценарии отражения масштабных атак на энергетику, транспорт и финансовую инфраструктуру.

За пределами России политика информационной безопасности принимает форму кибердипломатии и активного участия в международных платформах. Российские представители продвигают на ООН-площадках концепции запрета на использование ИКТ в

агрессивных целях, а также предлагают создать международные механизмы расследования и пресечения кибератак вне зависимости от страны-инициатора.

Российская цифровая стратегия, сформированная в ответ на беспрецедентные вызовы последних лет, опирается на прагматичный курс: укрепление внутренней устойчивости, наращивание технологической независимости и формирование новой модели международного диалога в цифровой сфере, альтернативной униполярной логике глобального Запада. Российский подход к информационной безопасности исходит из понимания, что в XXI веке цифровая среда – это не только пространство коммуникации, но и фактор государственного суверенитета, стратегической устойчивости и глобального баланса сил.

Современный цифровой кризис, актуализировавшийся на фоне украинского конфликта, не только выявил уязвимости международного киберпространства, но и продемонстрировал необходимость его системного переосмысления. Перспективы цифровой политики в посткризисный период выстраиваются вокруг трех ключевых направлений: адаптации к технологическим изменениям, выработки универсальных правовых норм и обеспечения устойчивого развития инфраструктуры.

Адаптация к новым технологическим реалиям предполагает не просто принятие инноваций, но и осознание их политической, социальной и этической значимости. Возникающие технологии, такие как искусственный интеллект, квантовые вычисления, биометрические системы идентификации, а также архитектура Web 3.0, не являются нейтральными. Они становятся инструментами формирования глобальных влияний и даже асимметричного давления. На этом фоне государства, включая Россию, сталкиваются с вызовом необходимости быть не только потребителями технологий, но и их разработчиками, регуляторами и идеологами.

Параллельно развивается потребность в реформировании международного права применительно к цифровой сфере. Существующие юридические механизмы, включая базовые нормы Устава ООН, Женевские конвенции или даже нормы международного гуманитарного права, не охватывают большинство аспектов киберконфликтов, цифрового воздействия на общественное мнение, вопросов суверенитета над данными и правовых режимов интернет-

пространства. Таким образом, возникает необходимость формирования новой нормативной базы, которая будет учитывать цифровую специфику XXI века. Россия последовательно выступает за разработку универсальных правил поведения государств в информационном пространстве, включая запрет на использование ИКТ для вмешательства во внутренние дела других стран, ведение кибервойн и вмешательство в избирательные процессы. Эти предложения уже были представлены в рамках рабочих групп ООН, но их продвижение сталкивается с сопротивлением ряда западных стран, не желающих утратить технологическое и информационное доминирование.

Важнейшей предпосылкой реализации всех вышеуказанных направлений остается устойчивое развитие цифровой инфраструктуры. Без надежной, независимой и технологически современной базы никакая цифровая стратегия невозможна. В этом отношении перед Россией стоят масштабные задачи. Необходимо не только обеспечить физическое покрытие связью всех территорий, включая удаленные и арктические регионы, но и построить систему дата-центров, распределенных вычислений, защищенных каналов передачи данных, совместимых с международными стандартами, но находящихся под полным национальным контролем. Проекты по созданию отечественных серверов, маршрутизаторов, программных платформ – всё это выходит за рамки локального развития ИТ-отрасли и превращается в вопрос национальной безопасности.

Перспективы развития цифровой политики для России и мира в целом определяются необходимостью стратегического, суверенного и сбалансированного подхода. В условиях цифровой турбулентности устойчивое развитие невозможно без переосмысления базовых понятий – от архитектуры сетей до философии интернета.

Цифровое измерение украинского кризиса стало одной из ключевых плоскостей современного глобального конфликта, определившей не только особенности информационного противоборства, но и зафиксировавшей стратегический поворот в подходах к понятию национального суверенитета, международной безопасности и технологий как ресурса власти. В процессе анализа выявлено, что цифровая сфера не просто сопутствует традиционным формам конфликта, а становится автономным полем действия – от кибератак и

дезинформации до контроля над глобальными коммуникационными потоками.

Работа позволила зафиксировать, что в условиях конфликта Россия сформировала многоуровневую стратегию цифрового реагирования, акцентированную на защите информационного пространства, развитии собственного технологического потенциала и продвижении международных инициатив в области цифровой безопасности. При этом российская позиция акцентирует внимание на праве каждого государства на цифровой суверенитет, что особенно актуализируется в эпоху, когда глобальные цифровые платформы приобретают квазигосударственный характер, нередко нарушая принципы политического баланса, этики и международного права.

Рассмотренные в работе примеры кибератак, кампаний деструктивного воздействия и ответных шагов России, а также меры международного уровня показывают, что будущее конфликтов и их урегулирования будет всё в большей степени определяться не только военными и дипломатическими параметрами, но и архитектурой цифрового взаимодействия. Это требует от государств не просто пассивной адаптации к технологическим изменениям, а формирования активной цифровой политики – основанной на развитии, праве, инфраструктуре и идеологии.

В перспективе становится очевидным, что именно через призму цифрового пространства будут решаться ключевые вопросы глобального порядка: кому принадлежит информация, кто контролирует коммуникации, и кто определяет, что считать правдой. В этой связи Россия позиционирует себя как участник процесса цифровой трансформации, стремящийся не к изоляции, а к справедливому и многополярному подходу в построении цифрового мира.

Таким образом, цифровые аспекты украинского кризиса являются не просто производным от конфликта, а одной из его центральных точек. Осмысление этих процессов необходимо как для понимания текущей геополитической конфигурации, так и для проектирования будущей международной архитектуры безопасности, где цифровое измерение будет играть все более доминирующую роль.

Литература

1. Pomerantsev P. This is Not Propaganda: Adventures in the War Against Reality. – London: Faber & Faber, 2019. – P. 256.

2. RAND Corporation. Information Operations in Ukraine: Assessing Russian Activities and Influence. – RAND Research Report RR2849, 2022. – 112 p. URL: https://www.rand.org/pubs/research_reports/RR2849.html (дата обращения: 18.06.2025).
3. Министерство иностранных дел РФ. Речи С.В. Лаврова по вопросам международной информационной безопасности (2014–2023). URL: https://mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/ (дата обращения: 18.06.2025).
4. Schmidt E., Cohen J. The New Digital Age: Reshaping the Future of People, Nations and Business. – New York: Knopf, 2013. – P. 336.
5. Hoffman F.G. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. – Arlington, VA: Potomac Institute, 2007. – P. 78.
6. Slaughter A.-M. The Chessboard and the Web: Strategies of Connection in a Networked World. – New Haven; London: Yale University Press, 2017. – P. 280.
7. Goffman E. Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience. – New York: Harper & Row, 1974. – P. 586.
8. Entman R.M. Framing: Toward Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. – 1993. – P. 51–58.
9. Lukyanov F. Digital Sovereignty and Russia's Strategy // Russia in Global Affairs. – 2022. URL: <https://eng.globalaffairs.ru/articles/digital-sovereignty-and-russias-strategy/> (дата обращения: 18.06.2025).
10. Министерство иностранных дел РФ. Документы и материалы по информационной безопасности. URL: <https://mid.ru/ru/maps/ru/> (дата обращения: 18.06.2025).
11. RAND Corporation. The Russian "Firehose of Falsehood" Propaganda Model. – RAND Perspectives, 2016. – 12 p. URL: <https://www.rand.org/pubs/perspectives/PE198.html> (дата обращения: 18.06.2025).
12. Mearsheimer J.J. The Tragedy of Great Power Politics. – New York: W.W. Norton & Company, 2001. – P. 576.
13. Hoffman F.G. Hybrid Warfare and Challenges // Joint Forces Quarterly. – 2009. – P. 34–41.
14. Entman R.M. Framing: Toward Clarification // Journal of Communication. – 1993. – P. 27–41.
15. Институт проблем международной безопасности (РИСИ). Доклады и аналитика. URL: <https://riss.ru> (дата обращения: 18.06.2025).
16. Nye J. The Future of Power. – New York: PublicAffairs, 2011. – P. 320.

DVORTSOV Alexey Olegovich

Master's Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan

*Scientific Advisor – Professor of the Department of International Relations, World Politics and Diplomacy of Kazan (Volga Region) Federal University,
Doctor of Economics, Associate Professor Misbakhova Chulpan Adipovna*

DIGITAL ASPECTS OF THE UKRAINIAN CRISIS

Abstract. *The article examines the key digital aspects of the Ukrainian crisis as an integral part of the modern geopolitical confrontation. Special attention is paid to the role of information and communication technologies in shaping public opinion, spreading disinformation, conducting cyber attacks and transforming the media space.*

The article examines Russia's position in the context of a large-scale digital confrontation, including measures to ensure information security, protect digital sovereignty, develop domestic technological solutions and form a sustainable digital infrastructure. International efforts to regulate the digital space and counter cyber threats, including Russian initiatives within the framework of the United Nations, are being considered.

The author draws a conclusion about the increasing importance of the digital dimension of modern conflicts and emphasizes the need to develop strategies that combine technological development, legal regulation and information stability in the context of society's growing dependence on digital platforms and systems.

Keywords: *digital security, disinformation, cyber threats, information warfare, digital sovereignty, social networks.*

ЕГОРОВ Владимир Павлович

кандидат технических наук, доцент,

Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина, Россия, г. Тамбов

ЖИБРОВ Владислав Денисович

студент, Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина,
Россия, г. Тамбов

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ПОВЫШЕНИЯ УРОВНЯ УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ОТ ПРОИЗОШЕДШЕГО ВСТУПЛЕНИЯ В БЛОК НАТО ФИНЛЯНДИИ И ОТ ГИПОТЕТИЧЕСКОГО ВСТУПЛЕНИЯ В БЛОК НАТО УКРАИНЫ

Аннотация. В статье выполнен сравнительный анализ повышения уровня угрозы национальной безопасности Российской Федерации от произошедшего вступления в блок НАТО Финляндии и от гипотетического вступления в блок НАТО Украины по различным аспектам: численности населения, численность личного состава вооруженных сил, военному бюджету, оснащенности вооруженных сил военной техникой, научно-техническому потенциалу и уровню развития военно-промышленного комплекса, протяженности границы, географическим факторам, идеологическим факторам и менталитету населения.

Ключевые слова: сравнительный анализ, национальная безопасность, блок НАТО, научно-технический потенциал, военно-промышленный комплекс, вооруженные силы, оснащенность военной техникой.

Национальная безопасность – это состояние защищённости национальных интересов страны от внешних и внутренних угроз [1, с. 28]. Это понятие, применительно для Российской Федерации, включает в себя, в частности:

- защиту прав и свобод, гарантированных каждому гражданину Конституцией РФ;
- достойные качество и уровень жизни населения страны;
- мир и согласие в обществе;
- защиту государственного суверенитета РФ, её независимости и целостности;
- социальное и экономическое развитие страны.

Национальная безопасность объединяет в себе политические, экономические, социальные, военные, технические, гуманитарные проблемы обеспечения безопасности человека, общества и государства.

В настоящее время, в условиях наблюдаемого роста нестабильности во всем мире, вопрос обеспечения национальной безопасности нашего государства стоит крайне остро. Блок НАТО продолжает расширяться на Восток, европейские лидеры многих европейских государств открыто называют Россию врагом, проводят политику, направленную на разрушение

российской экономики, вводят все новые санкции, а также пытаются нанести вред российской инфраструктуре, снабжая Украину все более мощным и дальнобойным вооружением.

Также угрозу национальной безопасности Российской Федерации несёт и неправдивая информация о происходящих политических событиях, которая способна разобщить граждан и посеять раздор внутри государства.

Одним из излюбленных аргументов прозападных СМИ против действий Российской Федерации является утверждение о том, что заявления нашего правительства в которых главной причиной начала специальной военной операции на территории Украины называется желание правительства Украины вступить в блок НАТО – ложь, ведь и после начала СВО, несмотря на начавшуюся СВО, блок НАТО всё же продолжил расширение на восток, приняв в свой состав Финляндию и Швецию.

Да, Финляндия вступила в НАТО, и это, безусловно, повысило уровень угрозы национальной безопасности Российской Федерации, однако утверждение, распространяемое прозападными СМИ, является слишком поверхностным и не отражающим объективно ситуацию, сложившуюся для России. Возможно

обоснованно предположить то, что уровень угрозы национальной безопасности был бы в разы выше, чем в настоящее время, если бы Российская Федерация допустила вступление Украины в НАТО, и данная статья имеет цель доказать это путем проведения сравнительного анализа всех аспектов потенциала Украины и Финляндии с точки зрения уровня возможной опасности для России.

Начнем с такого важного направления сравнительного анализа, как численность населения страны, ведь сравнивая потенциальных военных врагов нельзя не принимать во внимание мобилизационный человеческий ресурс.

По данным государственной службы статистики Украины, оценочная численность проживающего на территории Украины населения страны на 1 января 2022 года составила 41 167 336 человек. Население Финляндии, в 2022 году, насчитывало лишь 5 563 970 человек. Да, как показывает история, само по себе количество населения не всегда играет ключевую роль во время боевых действий, однако, очевидно, что государство, население которого примерно в восемь раз больше, чем население другого государства, намного опаснее в условиях военного конфликта.

Следующим направлением сравнительного анализа является численность личного состава вооружённых сил. Советник Офиса президента Украины Алексей Арестович 15 декабря 2022 года заявил о том, что численность украинской армии составляет один миллион человек без учёта резервистов. Армия Финляндии на момент 2022 года состояла из 12 000 профессиональных солдат и гражданских лиц в армии, 22 000 проходящих обучение призывников ежегодно, 280 000 бойцов так называемого «Активного Резерва» (численность мобилизуемого в военное время резерва). Таким образом, численность армии Украины в 83 раза превосходила численность армии Финляндии на момент 2022 года.

Теперь сравним военный бюджет Украины и Финляндии. Военный бюджет Украины в 2021 году составил 6,898 миллиарда долларов, увеличившись относительно предыдущих лет на 20%. 17 декабря 2021 года, выступая в Верховной Раде, премьер-министр Украины Денис Шмыгаль анонсировал увеличение военного бюджета страны в будущем году до почти 12 миллиардов долларов [2, с. 1]. В 2021 году оборонный бюджет Финляндии составил в общей сложности 4,6 млрд евро, что составляло

примерно 1,8% валового внутреннего продукта страны [3, с. 1]. Таким образом, 2021 году военный бюджет Украины был выше, чем военный бюджет Финляндии.

Сравним военную технику, стоящую на вооружении обоих государств. Сухопутные войска Украины имели на вооружении на начало 2022 года [4, с. 1]: 858 танков разных типов и ещё 1132 на хранении; 1212 боевых машин пехоты; 547 боевых разведывательных машин (БРДМ-2, БРМ-1К); 622 бронетранспортёра и бронеавтомобиля; более 607 самоходных артиллерийских установок; более 515 буксируемых полевых орудий и гаубиц; 354 реактивных систем залпового огня; 340 миномётов калибром 120 мм; 90 тактических ракетных комплексов «Точка»; 35 ударных вертолёт Ми-24 и 23 многоцелевых вертолёт Ми-8; более 81 зенитных ракетных комплексов разных типов, а также 134 военных самолета. Армия Финляндии же состоит из восьми бригад и имеет в своём распоряжении 239 основных боевых танков, в том числе 100 «Леопардов 2А6» и 139 «Леопардов 2А4», 212 БМП, 1101 БТР, 48 самоходных гаубиц калибра 155 мм и 72 калибра 122 мм, 56 пусковых установок, 740 единиц буксируемой артиллерии и более 1, 6 тысячи миномётов, 130 боевых самолетов [5, с. 1]. Из этого становится ясно то, что оснащённость военной техникой армии Украины в разы превосходит оснащённость армии Финляндии.

Следующим направлением сравнительного анализа являются научно-технический потенциал и уровень развития военно-промышленного комплекса. В 2014 году конгломерат «Укроборонпром» включал 134 предприятия военно-промышленного комплекса Украины, на которых работало около 120 000 человек. На Украине после распада СССР остались такие крупные промышленные предприятия военно-промышленного комплекса как завод «Южмаш» (производство ракет), завод «Мотор-Сич» (производство двигателей), завод и КБ «Антонов» (производство транспортных самолетов), харьковский авиазавод (производство авиационной техники, в то числе и беспилотной), корабельные верфи в Николаеве; вероятно сохранились и научно-технические кадры и задел для разработки собственного ядерного оружия. В Финляндии же насчитывается лишь несколько пороховых заводов и несколько компаний, производящих бронетранспортёры. Таким образом, Украина имела гораздо большие военно-промышленный потенциал и

возможности для создания и производства различных систем современного вооружения.

Сравнивая соседние государства в стратегическом плане, нельзя не сопоставить протяжённость общих границ, ведь чем больше протяжённость границы - тем больше нужно потратить ресурсов на её защиту. Итак, протяжённость границы Российской Федерации с Украиной составляет 2295 км, граница же с Финляндией составляет 1271,8 км, что почти в два раза меньше.

Сопоставляя угрозы национальной безопасности государства, нельзя не сравнить возможную угрозу для городов федерального значения в случае военных конфликтов. Сравним расстояния от городов федерального значения до границ с рассматриваемыми государствами: расстояние от Санкт-Петербурга до границы с Финляндией составляет около 150–180 км в зависимости от выбранного пограничного перехода; от Финляндии (КПП Торфяновка) до Москвы расстояние по прямой составляет около 900 километров. По автомобильной дороге расстояние увеличивается до 1030 километров. Расстояние от Москвы до самой ближайшей точки на границе с Украиной составляет 450 километров. Расстояние от ближайшей точки границы Украины до Севастополя составляет 227 км. Таким образом, города федерального значения потенциально подвергаются большей опасности со стороны Украины, чем со стороны Финляндии.

Теперь сравним географические факторы. Украина располагается в степях, густые леса и болота, которые считаются естественным барьером и могут использоваться для обороны, есть лишь на севере и северо-востоке Украины, на других же участках российско-украинской границы преимущественно располагаются степи, которые практически невозможно оборонять в условиях современной войны. В свою очередь, вся граница с Финляндией покрыта густыми лесами и болотами, которые, как показывает история, легко использовать в оборонительных целях. Из этого следует, что границу с Финляндией, с точки зрения географических факторов, оборонять легче, нежели границу с Украиной.

Далее сравним существовавшие к моменту начала СВО договоры между Россией и Украиной и Россией и Финляндией, чтобы понять уровень взаимоотношений между государствами до начала СВО. С Украиной на момент 2022 года были заключены Минские соглашения, однако, несмотря на это на территории

Донецкой и Луганской областей продолжали происходить локальные столкновения. Также вопиющим, со стороны Украины, решением стало принятие 24 марта 2021 года документа о «деокупации Крыма», что говорило о том, что Украина не признаёт и не собирается признавать Крым российской территорией и приложит все усилия для его возвращения.

Отношения с Финляндией же на момент начала 2022 года были абсолютно дипломатическими и, более того, экономически выгодными. Никаких официально озвученных претензий со стороны финского правительства в отношении России не существовало, зато действовал советско-финский Договор о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи, подписанный в 1948 году. В нём признавалось желание Финляндии оставаться вне конфликтов между великими державами, что позволяло стране проводить политику нейтралитета в период «холодной войны». Договор трижды продлевался. 20 января 1992 года взамен него был подписан Договор между Российской Федерацией и Финляндской Республикой об основах отношений, действующий и в настоящее время. В августе 2025 года министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил, что Финляндия подписывала договор о вечном нейтралитете, но позже вступила в НАТО, нарушив это обязательство. По словам министра, Хельсинки взяло на себя обязательство никогда не вступать в альянс, направленный против другой стороны договора.

Следующим необходимо сравнить идеологический фактор. С 2014 года на Украине набирали обороты националистические идеи. Создавались целые нац-баты, такие, как «Азов», «Айдар», «Донбасс», «Харьков», «Донецк», «Карпатская сечь», «Скиф» и «Хортиця», «Днепр-1», общее количество нацистов в их рядах – 50–60 тысяч человек. В Финляндии же таких тенденций просто-напросто не отмечалось, что говорит о том, что жители Финляндии, в отличие от многих украинцев, не были заинтересованы в борьбе с Россией.

При сравнении нельзя не упомянуть и менталитет народов Украины и Финляндии. Украинцы, в отличие от финнов - крайне близкая по менталитету для россиян нация. В условиях военного противоборства такое сходство не играет на руку: противник, имеющий похожий менталитет и черты характера, прошедший обучение по практически одинаковой системе и стандартам обучения и одинаковым

учебникам, может с большой вероятностью правильно предугадывать возможные действия противника как в оперативном, так и в тактическом масштабе военных действий, что снижает эффективность ведения военных действий в целом и увеличивает потери вооруженных сил.

Закончить анализ представляется целесообразным сравнением высказываний официальных представителей Украины и Финляндии в отношении России. «Важно поддерживать хорошие отношения с Россией. К сожалению, ее экономика находится в беспорядке и для торговли это особенно тревожно», – сказал Стубб в 2014 году [6, с. 1], занимавший в то время пост премьер-министра Финляндии, отметив также то, что РФ является крупнейшим торговым партнером страны наряду с Германией и Швецией. В 2021 году Финляндия поддерживала эту идею. Позднее, отказ вести диалог с Россией не сработал: «Мы должны быть очень строгими и жесткими с Россией, но мы также должны вести диалог, чтобы добиться от нее изменений».

Какие же заявления официальных властей звучали со стороны Украины? Вот, например, в 2021 году Зеленский заявил то, что Минские соглашения составлены «бездарно», потому что поставили Украину в более слабую и проигрывательную позицию. По его словам, Киеву нужен глобальный документ с гарантиями безопасности, который подпишут с ним Россия и США, а также система гарантий от НАТО, аналогичная той, которую предлагают членам альянса. Таким образом, можно сделать вывод о том, что Украина, в отличие от Финляндии не пыталась решить вопрос по тем договорам, которые были подписаны ранее, вместо этого правительство Украины только оспаривало их и пыталось поставить Россию в более слабую позицию. Также стоит отметить желание украинского правительства получить право Украины на производство ядерного оружия, причём такое заявление было сделано ещё до начала СВО.

Исходя из выполненного сравнительного анализа, можно с уверенностью сделать вывод о том, что Украина являлась и является более опасным противником, чем Финляндия, и,

если бы в 2022 году Украине удалось бы вступить в североатлантический альянс, уровень угрозы национальной безопасности был бы гораздо выше, чем уровень угрозы национальной безопасности, сложившийся после вступления Финляндии в НАТО.

Литература

1. Основы теории национальной безопасности: учебник для вузов / И.Б. Кардашова. – 3-е изд. – Москва: Издательство Юрайт, – 2023. – 334 с.
2. Заквасин А., Комарова Е. «Бюджет катастрофы»: на что украинские власти направят средства в 2021 году [Электронный ресурс] // RT на русском. 07.11.2000. URL: <https://russiatoday.ru/ussr/article/800329-byudzheth-2021-ukraina-voyna-promyshlennost> (дата обращения: 16.11.2025).
3. Оборонный бюджет Финляндии в 2024 финансовом году составит 6,2 млрд евро [Электронный ресурс] // Центр анализа мировой торговли оружием. 22.09.2023. URL: <https://armstrade.org/includes/periodics/news/2023/0922/132075432/detail.shtml?ysclid=mi2260upsi851930605> (дата обращения: 16.11.2025).
4. «Танков достаточно еще на несколько лет войны»: в западной прессе оценили «запасной резерв» ВСУ [Электронный ресурс] // Военное обозрение. 22.06.2024. URL: <https://topwar.ru/244970-tankov-dostatochno-esche-na-neskolko-let-voyny-v-zapadnoj-presse-ocenili-zapasnoj-rezerv-vsu.html> (дата обращения: 16.11.2025).
5. Резервисты и современная техника. Как устроена финская армия [Электронный ресурс] // ИНОСМИ. 15.05.2022. URL: <https://inosmi.ru/20220515/armiya-254142693.html> (дата обращения: 16.11.2025).
6. Премьер Финляндии: нам важно поддерживать хорошие отношения с Россией [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2012.2014. URL: <https://ria.ru/20141220/1039352360.html?ysclid=mi22pjbbe8745319143> (дата обращения: 16.11.2025).

YEGOROV Vladimir Pavlovich

Candidate of Technical Sciences, Associate Professor,
Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Russia, Tambov

ZHIBROV Vladislav Denisovich

Student, Tambov State University named after G. R. Derzhavin, Russia, Tambov

**COMPARATIVE ANALYSIS OF THE INCREASED THREAT
TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION
FROM FINLAND'S ACCESSION TO THE NATO BLOC AND
FROM UKRAINE'S HYPOTHETICAL ACCESSION TO THE NATO BLOC**

Abstract. *The article provides a comparative analysis of the increased threat to the national security of the Russian Federation from Finland's accession to the NATO bloc and from Ukraine's hypothetical accession to the NATO bloc in various aspects: population, number of personnel of the armed forces, military budget, equipment of the armed forces with military equipment, scientific and technical potential and level of development the military-industrial complex, the length of the border, geographical factors, ideological factors and the mentality of the population.*

Keywords: *comparative analysis, national security, NATO, scientific and technical potential, military-industrial complex, armed forces, equipment of military equipment.*

МОНГУШ Ай-Суу Александровна

магистрантка, Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

ИССЛЕДОВАНИЕ ЦЕЛЕВОЙ АУДИТОРИИ

Аннотация. В статье рассматривается важность исследования целевой аудитории для эффективного маркетинга и продвижения товаров и услуг. Описываются основные методы и инструменты исследования, а также их применение в различных отраслях.

Ключевые слова: исследование, целевая аудитория, маркетинговая стратегия, потребности, предпочтения, поведенческие особенности, сегментация рынка, позиционирование продуктов, распределение бюджета, маркетинговые кампании.

Исследование целевой аудитории играет ключевую роль в формировании маркетинговой стратегии компании. Оно позволяет глубоко понять потребности, предпочтения и поведенческие особенности потенциальных клиентов. Это способствует более точной сегментации рынка, эффективному позиционированию продуктов и услуг, а также оптимальному распределению бюджета на маркетинговые кампании.

Методы исследования целевой аудитории делятся на количественные и качественные. Количественные методы включают анализ статистических данных, собранных с помощью опросов, анкетирования, анализа информации из открытых источников (таких как социальные сети, форумы и блоги) и других инструментов, позволяющих получить репрезентативные выборки. Качественные методы, такие как интервью, фокус-группы и глубинные интервью, направлены на выявление глубинных мотивов, ценностей и предпочтений целевой аудитории, что позволяет получить более полное и детализированное понимание её поведения.

Выбор метода исследования зависит от целей компании, доступных ресурсов и временных ограничений. В некоторых случаях целесообразно комбинировать количественные и качественные методы для получения более полного и объективного представления о целевой аудитории.

Для проведения исследования используются различные инструменты, такие как CRM-системы, социальные сети, платформы для опросов и аналитические инструменты. CRM-системы помогают собирать и анализировать данные о клиентах, их предпочтениях и поведении, что способствует более точной

сегментации клиентов и персонализации маркетинговых кампаний. Социальные сети позволяют отслеживать активность целевой аудитории, анализировать её интересы, предпочтения и выявлять тренды в потребительском поведении. Платформы для опросов обеспечивают быстрый сбор большого объема данных через онлайн-опросы и анкетирование. Аналитические инструменты, такие как большие данные и машинное обучение, позволяют анализировать информацию из различных источников и выявлять скрытые закономерности, что способствует принятию обоснованных маркетинговых решений.

Методы и инструменты исследования целевой аудитории находят применение в различных отраслях. В розничной торговле они помогают определить наиболее эффективные каналы продвижения, оптимизировать ассортимент и ценовую политику, а также разрабатывать персонализированные маркетинговые кампании. В сфере услуг понимание потребностей и предпочтений целевой аудитории помогает улучшать качество обслуживания, клиентский опыт и разрабатывать более эффективные маркетинговые стратегии. В производстве исследование целевой аудитории позволяет определять требования к продукции, оптимизировать производственные процессы и разрабатывать эффективные стратегии продвижения товаров на рынке.

Таким образом, исследование целевой аудитории является важным элементом разработки маркетинговой стратегии, которое помогает оптимизировать затраты на маркетинг, повысить эффективность продвижения и, как следствие, увеличить прибыль компании. В условиях высокой конкуренции и динамичного рынка глубокое понимание целевой аудитории

становится необходимым условием успешного функционирования и развития бизнеса.

Литература

1. Котлер Ф. Основы маркетинга. Краткий курс. – М.: Эксмо, 2021.
2. Аакер Д., Кумар В., Дэй Дж. Маркетинговые исследования. – СПб.: Питер, 2014.

3. Березин И. Маркетинговые исследования. Инструкция по применению. – М.: Эксмо, 2011.

4. Малхотра Н. Маркетинговые исследования и эффективный анализ статистических данных. – М.: ИД «Вильямс», 2002.

5. Токарев Б. Е. Маркетинговые исследования рыночных ниш и новых полей бизнеса. – М.: Магистр, ИНФРА-М, 2013.

MONGUSH Ai-Suu Alexandrovna

Graduate Student, Tuvan State University, Russia, Kyzyl

TARGET AUDIENCE RESEARCH

Abstract. *The article discusses the importance of target audience research for effective marketing and promotion of goods and services. The main research methods and tools are described, as well as their application in various industries.*

Keywords: *research, target audience, marketing strategy, needs, preferences, behavioral features, market segmentation, product positioning, budget allocation, marketing campaigns.*

МОНГУШ Ай-Суу Александровна

магистрантка, Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

МНОГОФАКТОРНЫЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Аннотация. Статья посвящена комплексному изучению детерминант электорального поведения в современных демократических государствах. В работе рассматриваются социально-демографические, экономические, психологические, информационно-коммуникационные и институциональные факторы, влияющие на выбор избирателя. Особое внимание уделяется изменениям в механизмах принятия решений в условиях цифровизации политического пространства.

Ключевые слова: электоральный выбор, политическая наука, легитимность выборов, предсказание результатов, политическая коммуникация, цифровые технологии, электоральные предпочтения, социально-демографические факторы, возраст, пол, уровень образования, этническая принадлежность, религиозная принадлежность.

Исследование факторов, определяющих электоральный выбор, является ключевой задачей политической науки. Актуальность этой темы обусловлена необходимостью обеспечения легитимности избирательного процесса, потребностью в предсказании результатов выборов, разработкой эффективных стратегий политической коммуникации и трансформацией традиционных механизмов голосования под воздействием цифровых технологий. Цель исследования – систематизировать и проанализировать ключевые группы факторов, влияющих на электоральное поведение избирателей. Объект исследования – электоральные предпочтения граждан в условиях демократических выборов, а предмет исследования – комплекс факторов, определяющих выбор избирателей.

Основные социально-демографические факторы включают возраст, пол, уровень образования, этническую и религиозную принадлежность, а также тип населённого пункта. Молодёжь (18–30 лет) поддерживает инновационные политические платформы и оппозиционные силы, в то время как пожилые избиратели (60+ лет) чаще голосуют за традиционные партии и действующих политиков. Женщины ориентируются на социальную политику, здравоохранение и образование, а мужчины – на вопросы безопасности, экономики и внешней политики. Высшее образование связано с поддержкой либеральных и проевропейских партий, в то время как среднее профессиональное образование ассоциируется с консервативными предпочтениями. В многонациональных

обществах этническая и религиозная принадлежность могут играть ключевую роль. Жители урбанизированных регионов демонстрируют прогрессивные электоральные предпочтения, а сельские жители склонны к консерватизму.

Экономическая ситуация также оказывает значительное влияние на электоральные предпочтения. Уровень дохода, профессиональный статус и экономическая оценка личного благосостояния и перспектив экономики формируют выбор избирателей. Низкодоходные группы поддерживают левые партии и социальные программы, а высокодоходные избиратели – правоцентристские силы, выступающие за снижение налогов и либерализацию экономики. Работники государственного сектора лояльны к правящей партии, а представители частного бизнеса и самозанятые поддерживают оппозиционные силы. Субъективная оценка экономической ситуации влияет на уровень поддержки действующей власти.

Психологические и когнитивные факторы, такие как политическая идентичность, ценностные ориентиры, эмоциональное восприятие и когнитивные искажения, также играют важную роль в электоральном выборе. Политическая идентичность формирует долгосрочные предпочтения, базовые ценности определяют выбор в условиях альтернативы, а симпатии и антипатии к кандидатам оказывают большее влияние, чем рациональные аргументы. Эффекты подтверждения, эвристика доступности и групповое мышление влияют на процесс принятия решений. Классическая модель

рационального выбора часто не учитывает эти психологические компоненты.

Современные медийные ландшафты значительно трансформируют электоральное поведение. Традиционные медиа, такие как телевидение и печатные издания, остаются важными каналами коммуникации для разных социальных групп. Социальные сети формируют «информационные пузыри» и усиливают поляризацию мнений. Таргетированная реклама позволяет целенаправленно воздействовать на неопределившихся избирателей. Дезинформация и манипуляции могут существенно изменить электоральные предпочтения.

Институциональные и контекстуальные факторы также влияют на электоральные предпочтения. Тип избирательной системы (мажоритарная или пропорциональная) акцентирует внимание на локальных или идеологических факторах. Уровень политической конкуренции определяет доминирование клиентских факторов и административного ресурса. Высокая явка избирателей может кардинально изменить баланс предпочтений. Экзогенные факторы, такие как кризисы, войны и пандемии, временно переориентируют избирателей.

Электоральный выбор формируется сложной системой взаимосвязанных факторов. Базовые факторы (демография, экономика) определяют долгосрочные тренды, психологические факторы (идентичность, эмоции) влияют на краткосрочные колебания, медиа-факторы усиливают или ослабляют другие детерминанты, а институциональные факторы структурируют пространство выбора. Основные выводы исследования показывают, что электоральное поведение не может быть объяснено только рациональными моделями, растёт роль психологических и информационно-коммуникационных факторов, а традиционные социально-демографические корреляции меняются под воздействием цифровизации. Перспективные направления для дальнейших исследований включают влияние искусственного

интеллекта и больших данных, кросс-культурные различия, роль невербальных сигналов в политическом маркетинге и эффекты алгоритмической персонализации в социальных сетях.

Литература

1. Липсет С.М., Роккан С. Структуры размежеваний, партийные системы и предпочтения избирателей // Политическая наука. 2004. № 4. С. 204-235.
2. Хейвуд Э. Политология. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2021. 544 с.
3. Пугачёв В.П., Соловьёв А.И. Введение в политологию. М.: Аспект Пресс, 2024. 576 с.
4. Доусон Р., Превитт К. Политическое поведение: общие подходы // Политическая наука: новые направления. М.: Вече, 1999. С. 231-243.
5. Макаренко Б.И. Консолидация демократии: «за» и «против» // Политическая наука. 2017. № 2. С. 45-67.
6. Голосов Г.В. Сравнительная политология. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2020. 462 с.
7. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии // Полис. Политические исследования. 1992. № 4. С. 122-134.
8. Шмиттер Ф., Карл Т. Что такое демократия, а что – нет // Демократия: теория и практика. М.: Интерпракс, 1996. С. 52-68.
9. Кац Р., Мэир П. Изменяющиеся модели партийной организации и партийной демократии: возникновение картельных партий // Политическая наука. 2006. № 1. С. 24-40.
10. Вятр Е. Социология политических отношений. М.: Прогресс, 1979. 463 с.
11. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 180 с.
12. Мелешкина Е.Ю. Электоральное поведение // Политическая социология. М.: Юрист, 2002. С. 321-345.

MONGUSH Ai-Suu Alexandrovna

Graduate Student, Tuvan State University, Russia, Kyzyl

MULTIFACTORIAL ANALYSIS OF ELECTORAL BEHAVIOR

Abstract. *The article is devoted to a comprehensive study of the determinants of electoral behavior in modern democratic states. The paper considers socio-demographic, economic, psychological, information and communication and institutional factors influencing the choice of a voter. Particular attention is paid to changes in decision-making mechanisms in the context of digitalization of the political space.*

Keywords: *electoral choice, political science, legitimacy of elections, prediction of results, political communication, digital technologies, electoral preferences, socio-demographic factors, age, gender, education level, ethnicity, religious affiliation.*

МОНГУШ Ай-Суу Александровна

магистрантка, Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

СТРАТЕГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КАК СРЕДСТВО ДОСТИЖЕНИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ ЦЕЛЕЙ

Аннотация. В статье исследуются особенности языка политиков и их речевое поведение в современном обществе. Нынешняя эпоха характеризуется высокой степенью политизированности: внимание широких слоёв населения всё чаще приковано к выступлениям политических лидеров различных государств.

Ключевые слова: коммуникативная стратегия, политический дискурс, целевая аудитория, коммуникативные тактики, аргументы и факты, обратная связь, поддержка аудитории, стратегическое планирование.

Эффективность политического деятеля в значительной степени определяется его способностью разработать и реализовать оптимальную коммуникативную стратегию, которая является ключевым инструментом влияния на целевую аудиторию. Стратегия в политическом контексте представляет собой тщательно спланированное речевое поведение, направленное на достижение конкретных целей и основанное на совокупности коммуникативных тактик. Её основная задача заключается в создании условий, при которых слушатель самостоятельно приходит к заранее определённом выводу, опираясь на предоставленные аргументы и факты.

Одной из ключевых особенностей политических выступлений является минимальный уровень прямой обратной связи. В отличие от других сфер коммуникации, где возможна немедленная корректировка речи в ответ на реакцию аудитории, в политике такой подход практически невозможен. Обратная связь в данном случае проявляется косвенно – через последующую поддержку или её отсутствие, что делает стратегическое планирование речи критически важным элементом политического дискурса.

Несмотря на разнообразие подходов к определению стратегии, все исследователи сходятся в том, что её сущность заключается в планировании действий для достижения поставленных целей. В контексте политического дискурса стратегия представляет собой комплексную систему коммуникативных ходов, направленных на формирование определённого восприятия у аудитории и побуждение её к принятию желаемого решения. Тактика, в свою очередь, является набором конкретных практических методов и приёмов, используемых для реализации

коммуникативного намерения в процессе взаимодействия с аудиторией.

Создание исчерпывающей классификации коммуникативных стратегий в политическом дискурсе представляет собой сложную задачу из-за многообразия коммуникативных ситуаций и целей, которые могут преследовать политические деятели. Однако, как отмечает Т. А. Ван Дейк, стратегия может быть охарактеризована как «внутренняя пружина», обеспечивающая целостность и функциональность политического дискурса.

Исследователи сходятся во мнении, что основной целью речевых стратегий в политическом дискурсе является воздействие на адресата с целью склонения его к принятию желаемого решения. Эти стратегии часто действуют комплексно, взаимодействуя и усиливая друг друга. Политический дискурс, будучи динамичной системой, адаптируется к изменениям в общественной жизни, что находит отражение в используемых речевых стратегиях и тактических приёмах.

Таким образом для полного понимания коммуникации важно учитывать личность говорящего, аудиторию, методы коммуникации, контекст и то, как стиль общения может зависеть от пола говорящего. Эти факторы помогают определить наиболее эффективные способы взаимодействия.

Литература

1. Ван Дейк Т.А. Когнитивные и речевые стратегии выражения этнических предубеждений / 1989. – С. 274.
2. Иссерс О.С. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге / 1999. – С. 17-104.

3. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка / 1992. – С. 211.

4. Паршина О.Н. Российская политическая речь: Теория и практика: монография / 2007. – С. 83.

MONGUSH Ai-Suu Alexandrovna

Graduate Student, Tuvan State University, Russia, Kyzyl

STRATEGY IN POLITICAL DISCOURSE AS A MEANS OF ACHIEVING COMMUNICATIVE GOALS

Abstract. *The article examines the peculiarities of the language of politicians and their speech behavior in modern society. The current era is characterized by a high degree of politicization: the attention of the general population is increasingly focused on the speeches of political leaders of various states.*

Keywords: *communicative strategy, political discourse, target audience, communicative tactics, arguments and facts, feedback, audience support, strategic planning.*

УЧЕВАТОВА Виктория Сергеевна

магистрантка, Казанский (Приволжский) федеральный университет, Россия, г. Казань

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ПЕРВЫЙ СРОК ПРАВЛЕНИЯ Д. ТРАМПА (2017–2021 гг.): МЕЖДУ ОЖИДАНИЯМИ И РЕАЛЬНОСТЬЮ

Аннотация. Статья посвящена анализу российско-американских отношений в период первого президентского срока Дональда Трампа (2017–2021 гг.). Автор исследует противоречие между первоначальными ожиданиями улучшения двусторонних отношений, основанными на предвыборных заявлениях Трампа, и их фактическим ухудшением к концу его срока. В работе применяется комплексный методологический подход, сочетающий элементы неореализма и конструктивизма, что позволяет рассмотреть структурные и дискурсивные факторы, повлиявшие на динамику отношений. Ключевыми аспектами исследования стали: дипломатические контакты на высшем уровне, санкционная политика США, состояние диалога по стратегической стабильности, региональные конфликты (Сирия, Украина) и роль внутриполитических факторов в США. Автор приходит к выводу, что, несмотря на личную заинтересованность Трампа в диалоге с Россией, структурные ограничения международной системы, давление Конгресса и негативные образы в политическом дискурсе привели к углублению конфронтации. Научная новизна работы заключается в многоуровневом анализе, который учитывает взаимодействие международных и внутриполитических процессов. Практическая значимость исследования связана с выявлением устойчивых барьеров для улучшения отношений, что важно для разработки долгосрочной стратегии. Статья представляет интерес для специалистов в области международных отношений, политологии и истории дипломатии.

Ключевые слова: российско-американские отношения, Дональд Трамп, санкции, стратегическая стабильность, дипломатия, неореализм, конструктивизм.

Введение

Приход Дональда Трампа к власти в январе 2017 года породил значительные ожидания потенциального улучшения российско-американских отношений, находившихся в глубоком кризисе после событий 2014 года. Предвыборная риторика Трампа о необходимости «ладить с Россией» и его критика политики предшественников создавали предпосылки для возможной «перезагрузки 2.0» [1, с. 160–178]. Однако к концу его президентского срока двусторонние отношения оказались в худшем состоянии за весь постсоветский период, что позволило экспертам говорить о новой холодной войне [2].

Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа факторов, определивших траекторию российско-американских отношений в 2017–2021 годах. Этот период демонстрирует фундаментальное противоречие между личной дипломатией лидера и институциональными ограничениями американской политической системы. Изучение данного кейса важно для понимания

структурных причин конфронтации между Россией и США, а также роли внутриполитических факторов в формировании внешней политики.

Цель исследования – провести системный анализ эволюции российско-американских отношений в период первого президентства Д. Трампа через призму ключевых направлений двустороннего взаимодействия. Задачи включают: анализ дипломатических контактов на высшем уровне; изучение динамики санкционной политики; оценку состояния диалога в сфере стратегической стабильности; исследование региональных измерений отношений; выявление роли внутриполитических факторов в формировании курса администрации Трампа.

Методы

Исследование основано на комплексном подходе, сочетающем элементы исторического, сравнительного и системного анализа. В качестве теоретической рамки использованы положения неореализма и конструктивизма в теории международных отношений.

Неореалистический подход позволяет объяснить структурные причины конфронтации через призму борьбы за власть и влияние в международной системе [3]. Конструктивистская перспектива акцентирует внимание на роли идей, образов и дискурсов в формировании политики [4].

Источниковая база исследования включает официальные документы (стратегии национальной безопасности, законодательные акты, заявления МИД РФ и Госдепартамента США), материалы ведущих аналитических центров (ИМЭМО РАН, ИСКРАН, Brookings Institution, RAND Corporation), академические публикации российских и западных авторов. Особое внимание уделено анализу закона CAATSA 2017 года [5] и Стратегии национальной безопасности США 2017 года [6], определивших институциональные рамки политики администрации Трампа.

Применен метод триангуляции данных - сопоставление информации из различных источников для обеспечения объективности анализа. Это позволило избежать односторонности и учесть как российскую, так и американскую перспективы происходивших событий.

Результаты

Дипломатические контакты на высшем уровне в период 2017–2021 годов носили эпизодический и противоречивый характер. Первая встреча Трампа и Путина состоялась на полях саммита G20 в Гамбурге 7 июля 2017 года, за ней последовал краткий контакт на саммите АТЭС во Вьетнаме в ноябре 2017 года [7]. Кульминацией личной дипломатии стал полноформатный саммит в Хельсинки 16 июля 2018 года, где лидеры провели более двух часов переговоров тет-а-тет [8]. Однако практических результатов эти встречи не принесли. Более того, саммит в Хельсинки вызвал беспрецедентную критику в США после того, как Трамп публично поставил под сомнение выводы американских спецслужб о российском вмешательстве в выборы 2016 года [9].

Санкционная политика США при администрации Трампа не только не смягчилась, но была значительно ужесточена. Ключевым событием стало принятие в августе 2017 года закона CAATSA, который законодательно закрепил санкции против России и лишил президента возможности единолично их отменять [5]. По подсчетам Brookings Institution, администрация Трампа предприняла 52 конкретных шага санкционного характера против России

[10]. Санкции вводились по различным основаниям: за вмешательство в выборы (против ГРУ, «фабрики троллей» и связанных лиц) [11], за агрессию против Украины [12], за применение химического оружия в деле Скрипалей [13], за нарушения прав человека в рамках «Акта Магнитского» [14].

В сфере стратегической стабильности период 2017–2021 годов ознаменовался демонтажем ключевых элементов системы контроля над вооружениями. В 2019 году США официально вышли из Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (ДРСМД), обвинив Россию в его нарушении [15]. Единственным действующим соглашением остался СНВ-3, который администрация Трампа отказалась продлевать, выдвигая нереалистичное условие присоединения к нему Китая [16]. Параллельно США продолжили укрепление восточного фланга НАТО и начали поставки летального оружия Украине, включая противотанковые комплексы Javelin [17].

Региональные конфликты стали дополнительным источником напряженности. В Сирии, несмотря на действовавшие механизмы деконфликтинга, произошел серьезный инцидент в феврале 2018 года в районе Дейр-эз-Зор, когда американские силы атаковали прорезжимные формирования с участием российских наемников из ЧВК «Вагнер» [18]. По украинскому вопросу позиции сторон оставались непримиримыми: США усилили поддержку Киева, Россия продолжала поддерживать сепаратистские образования на Донбассе [19].

Внутриполитические факторы в США оказали определяющее влияние на формирование политики в отношении России. Расследование спецпрокурора Р. Мюллера о российском вмешательстве в выборы 2016 года, продолжавшееся с мая 2017 по апрель 2019 года, создало токсичную атмосферу вокруг любых контактов с Москвой [20]. Конгресс США демонстрировал редкое двухпартийное единство в вопросе ужесточения антироссийского курса [21]. Как отмечает С. Зиглер, «ожидания более примирительной линии не материализовались» из-за институционального сопротивления [22, с. 504–520].

Обсуждение

Анализ собранных данных позволяет выделить ключевое противоречие рассматриваемого периода: между декларируемым Трампом желанием улучшить отношения с Россией и фактическим ухудшением всех аспектов двустороннего взаимодействия. С позиций

неореализма этот результат был предопределен структурными факторами международной системы. США и Россия как великие державы находятся в состоянии стратегического соперничества за влияние в ключевых регионах [23]. Вашингтон не мог пойти на признание российской сферы влияния в постсоветском пространстве, так как это противоречило бы обязательствам США перед союзниками по НАТО [24, с. 123-139].

Конструктивистский подход обращает внимание на роль идей и дискурсов. В американском политическом истеблишменте после 2014 года сформировался устойчивый образ России как ревизионистской державы, угрожающей либеральному международному порядку [25, с. 116-132]. Этот образ стал частью американской политической идентичности, что сделало политически невозможными любые уступки Москве [26]. Как отмечает И. Курилла, Россия превратилась в «конституирующего Другого» для американской элиты [27].

Важную роль сыграла специфика американской политической системы с ее системой сдержек и противовесов. Теория двухуровневых игр Р. Патнэма объясняет, почему Трамп не смог реализовать свои намерения: любое движение навстречу Путину на международной арене вело к потерям на внутривластной арене [28, с. 427-460]. Конгресс через законодательные механизмы (CAATSA) фактически связал руки президенту в российском вопросе.

Сравнение с предыдущими попытками «перезагрузки» показывает определенную цикличность в российско-американских отношениях. Как отмечают Е. Румер и Р. Сокольский, каждая новая администрация США начинает с попыток улучшения отношений, но структурные противоречия приводят к неизбежному разочарованию [29]. Однако случай Трампа уникален тем, что деградация отношений произошла несмотря на личную заинтересованность президента в диалоге с Москвой.

Анализ показывает, что к концу первого срока Трампа был создан негативный задел для будущих отношений. Разрушение договорной базы в сфере контроля над вооружениями, углубление недоверия, институционализация санкций через механизмы Конгресса – все это создало инерцию конфронтации, преодолеть которую будет крайне сложно любой будущей администрации [30].

Заключение

Исследование российско-американских отношений в период первого президентства Д. Трампа выявило фундаментальное противоречие между намерениями политического лидера и структурными ограничениями международной и внутривластной среды. Несмотря на декларируемое стремление к улучшению отношений с Россией, администрация Трампа объективно продолжила и усилила курс на конфронтацию, заложенный после украинского кризиса 2014 года.

Ключевыми факторами, определившими негативную траекторию отношений, стали: структурное соперничество великих держав за влияние в международной системе; несовместимость стратегических интересов в ключевых регионах; роль Конгресса США и законодательных ограничений; влияние расследования о российском вмешательстве в выборы 2016 года; устойчивость негативных образов и дискурсов в политических элитах обеих стран.

Научная новизна исследования заключается в комплексном многоуровневом анализе, сочетающем различные теоретические подходы и учитывающем взаимодействие международных и внутривластных факторов. Практическая значимость работы состоит в выявлении структурных ограничений для улучшения российско-американских отношений, которые должны учитываться при выработке долгосрочной стратегии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом возможных сценариев трансформации отношений в условиях меняющейся международной системы и потенциального возвращения Д. Трампа в Белый дом. Опыт 2017–2021 годов показывает, что без устранения фундаментальных противоречий в интересах и восприятии любые попытки «перезагрузки» обречены на провал.

Литература

1. Арбатов А.Г., Арбатова Н.К. Фактор Трампа в российско-американских отношениях // Полис. Политические исследования. 2017. № 3. С. 160-178.
2. Legvold R. Return to Cold War. Cambridge: Polity Press, 2016. 208 p.
3. Waltz K.N. Theory of International Politics. Long Grove: Waveland Press, 2010. 251 p.

4. Wendt A. *Social Theory of International Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 429 p.
5. Countering America's Adversaries Through Sanctions Act (CAATSA), Pub.L. 115–44. Enacted August 2, 2017.
6. The White House. *National Security Strategy of the United States of America*. Washington, D.C., December 2017. 68 p.
7. Kremlin.ru. Meeting with US President Donald Trump. July 7, 2017. URL: <http://en.kremlin.ru/events/president/news/55013>.
8. The White House. Remarks by President Trump and President Putin in Joint Press Conference. Helsinki, July 16, 2018.
9. Abramson A. I Don't See Any Reason Why It Would Be: President Trump Appears to Side with Russia Over U.S. Intelligence // *Time*. July 16, 2018.
10. Polyakova A., Letsas F. *On the Record: The U.S. Administration's Actions on Russia*. Brookings Institution, December 31, 2019.
11. U.S. Department of Treasury. *Treasury Sanctions Russian Cyber Actors for Interference with the 2016 U.S. Elections*. March 15, 2018.
12. U.S. Department of State. *Ukraine-/Russia-related Sanctions. 2017–2021*.
13. U.S. Department of State. *Second Round of Chemical and Biological Weapons Control Act Sanctions on Russia*. August 2019.
14. U.S. Department of Treasury. *Treasury Sanctions Russian Officials Under Global Magnitsky Act. 2017–2020*.
15. U.S. Department of State. *U.S. Withdrawal from the INF Treaty on August 2, 2019*. Press Statement. August 2, 2019.
16. Pifer S. *New START at 10: Assessing the Past, Looking to the Future*. Brookings Institution, April 8, 2020.
17. U.S. Department of Defense. *U.S. Announces Additional Security Assistance to Ukraine*. March 2018.
18. Gibbons-Neff T. *How a 4-Hour Battle Between Russian Mercenaries and U.S. Commandos Unfolded in Syria* // *The New York Times*. May 24, 2018.
19. Charap S., Priebe M. *Avoiding a Long War: U.S. Policy and the Trajectory of the Russia-Ukraine Conflict*. RAND Corporation, 2023.
20. U.S. Department of Justice. *Report on the Investigation into Russian Interference in the 2016 Presidential Election*. Special Counsel R. Mueller III. Washington, D.C., March 2019.
21. Risch J.E. *The Case Against Russia: 2019 Edition*. U.S. Senate Committee on Foreign Relations, 2019.
22. Ziegler C.E. *Sanctions in U.S.–Russia Relations* // *Вестник РУДН. Серия: Международные отношения*. 2020. Т. 20. № 3. Р. 504–520.
23. Mearsheimer J.J. *The Tragedy of Great Power Politics*. New York: W.W. Norton, 2014. 592 p.
24. Gvosdev N.K. *Permanent Divergence: The Evolution of U.S.–Russia Relations in the Trump Era* // *The Washington Quarterly*. 2018. Vol. 41. No. 4. P. 123–139.
25. Hill F., Stent A. *Putin's Long War: How the Russian President Became a Prisoner of His Own Making* // *Foreign Affairs*. 2022. Vol. 101. No. 5. P. 116–132.
26. Tsygankov A.P. *The Dark Double: US Media, Russia, and the Politics of Values*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 256 p.
27. Курилла И. *Заклятые друзья. История мнений, фантазий, контактов, взаимо(не)понимания России и США*. М.: НЛО, 2018. 424 с.
28. Putnam R.D. *Diplomacy and Domestic Politics: The Logic of Two-Level Games* // *International Organization*. 1988. Vol. 42. No. 3. P. 427–460.
29. Rumer E., Sokolsky R. *Thirty Years of U.S. Policy Toward Russia: Can the Vicious Circle Be Broken?* Carnegie Endowment for International Peace, April 21, 2020.
30. Stent A. *Putin's World: Russia Against the West and with the Rest*. New York: Twelve Books, 2019. 432 p.

UCHEVATOVA Victoria Sergeevna

Graduate Student, Kazan (Volga Region) Federal University, Russia, Kazan

**RUSSIAN-AMERICAN RELATIONS
DURING D. TRUMP'S FIRST TERM (2017-2021):
BETWEEN EXPECTATIONS AND REALITY**

Abstract. *The article is devoted to the analysis of Russian-American relations during the first presidential term of Donald Trump (2017-2021). The author explores the contradiction between the initial expectations of improving bilateral relations based on Trump's pre-election statements and their actual deterioration by the end of his term. The work uses a comprehensive methodological approach combining elements of neorealism and constructivism, which allows us to consider the structural and discursive factors that influenced the dynamics of relations. The key aspects of the study were: top-level diplomatic contacts, the US sanctions policy, the state of the dialogue on strategic stability, regional conflicts (Syria, Ukraine) and the role of domestic political factors in the United States. The author concludes that, despite Trump's personal interest in dialogue with Russia, the structural constraints of the international system, congressional pressure, and negative images in political discourse have led to a deepening of the confrontation. The scientific novelty of the work lies in a multi-level analysis that takes into account the interaction of international and domestic political processes. The practical significance of the research is related to the identification of sustainable barriers to improving relationships, which is important for developing a long-term strategy. The article is of interest to experts in the field of international relations, political science and the history of diplomacy.*

Keywords: *Russian-American relations, Donald Trump, sanctions, strategic stability, diplomacy, neorealism, constructivism.*

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

БЕЙСЕНБАЕВА Алтын Дулатовна

магистрантка,

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,

Россия, г. Москва

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: КРИМИНОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности женской преступности в современной России, анализируются основные причины, мотивы и тенденции её развития. Раскрываются психологические и социальные факторы, влияющие на формирование преступного поведения женщин. Определяются направления совершенствования профилактики и социальной реабилитации лиц женского пола, совершивших преступления.

Ключевые слова: женская преступность, криминология, профилактика, социальная адаптация, мотивация преступного поведения.

Введение

Женская преступность остаётся одной из наименее исследованных сфер современной криминологии. Традиционно внимание учёных сосредоточено на преступлениях, совершаемых мужчинами, в то время как особенности женского криминального поведения зачастую упускаются из виду. Между тем именно в женской преступности проявляются глубокие социальные и моральные противоречия общества.

За последние годы в России отмечается не только количественный рост преступлений, совершаемых женщинами, но и изменение их качественной структуры. Женщины всё чаще совершают имущественные, экономические, а также насильственные преступления [1, 4, 7]. При этом значительная часть таких деяний совершается в условиях семейно-бытовых конфликтов, эмоциональных срывов и психологического давления. Эти обстоятельства придают женской преступности особую специфику, требующую комплексного анализа [2].

Актуальность изучения женской преступности обусловлена не только ростом её показателей, но и тем, что данное явление отражает состояние общества, его моральные ориентиры и социально-экономические проблемы. Женская преступность во многом является индикатором социальных деформаций – кризиса семьи, нестабильности рынка труда, снижения уровня

социальной защищённости женщин. Анализ этой категории преступности позволяет выявить не только криминологические закономерности, но и оценить эффективность государственной политики в сфере социальной поддержки и правовой защиты женщин.

Кроме того, женская преступность имеет свои психологические и поведенческие особенности, отличающие её от мужской. Для понимания природы преступного поведения женщин важно учитывать влияние факторов, связанных с гендерными ролями, семейной ответственностью, эмоциональной сферой и межличностными отношениями. Современные исследования показывают, что преступления, совершаемые женщинами, часто обусловлены внешними обстоятельствами – социальным давлением, бедностью, зависимостью от партнёра или стремлением защитить себя и близких.

Таким образом, изучение женской преступности представляет собой не только научный интерес, но и практическую необходимость. Криминологический анализ этого феномена способствует формированию более эффективных мер профилактики, социальной адаптации и ресоциализации женщин, оказавшихся в конфликте с законом. Рассмотрение данной темы позволяет комплексно подойти к проблеме преступности, учитывая её гендерное измерение и социальную обусловленность.

1. Понятие и особенности женской преступности

Под женской преступностью понимается совокупность преступлений [1, 3], совершаемых лицами женского пола, а также совокупность связанных с ними социальных, психологических и криминологических характеристик. Её доля в общей структуре преступности в России колеблется в пределах 15–20%, однако значение данного явления значительно выше его статистической величины, поскольку каждое преступление, совершённое женщиной, влечёт серьёзные социальные последствия [4].

Женская преступность отличается рядом особенностей:

- преобладанием неимущественных и бытовых преступлений (кражи, мошенничества, преступления против личности);
- более выраженной эмоциональной мотивацией – действия совершаются под влиянием ревности, страха, обиды, материальной нужды;
- относительно низкой степени организованности и редкой вовлечённости в профессиональную преступность;
- повышенной виктимностью – многие женщины сами становились жертвами насилия до совершения преступления.

Современные исследования показывают, что большинство женщин-преступниц имеют низкий уровень образования, нестабильное материальное положение [2, 5] и трудности в социальной адаптации. Часто на их пути встречаются безработица, одиночество, неблагополучные семьи. Всё это формирует благоприятную почву для отклоняющегося поведения.

Кроме того, важно отметить, что женская преступность имеет свои исторические и культурные корни. На протяжении многих веков социальная роль женщины ограничивалась сферой семьи и воспитания детей, что формировало у общества устойчивый стереотип о её «естественной» безвиновности и пассивности. Однако в условиях современных социально-экономических преобразований традиционные представления претерпевают значительные изменения. Расширение участия женщин в экономической, политической и общественной жизни, с одной стороны, способствует их самостоятельности и развитию, но с другой – увеличивает риск столкновения с новыми формами социальной несправедливости, дискриминации и психологического давления. Всё это может стать косвенными факторами,

подталкивающими отдельных женщин к противоправным действиям.

Нельзя не учитывать и биопсихологические особенности женской личности, влияющие на характер совершаемых преступлений. Исследователи отмечают, что женщины в большей степени подвержены эмоциональным всплескам, стрессу, чувству вины и сострадания [3], что нередко определяет мотивы и способы совершения преступлений. Например, преступления против личности, совершённые женщинами, зачастую носят аффективный характер и совершаются в результате сильных переживаний или эмоциональной зависимости.

Таким образом, понятие женской преступности не ограничивается только юридическим аспектом. Оно включает широкий комплекс социальных, психологических и культурных характеристик, позволяющих рассматривать это явление как важный индикатор состояния общества и его морального климата.

2. Причины и условия женской преступности

Причины преступности женщин многогранны и взаимосвязаны. Криминологи выделяют три основных группы факторов: социальные, экономические и психологические [3, 5].

1. Социальные факторы. Среди них – разрушение института семьи, рост числа разводов, снижение моральных ценностей, влияние насилия и алкоголизма в быту. Женщина, оказавшаяся в условиях постоянного стресса, без поддержки близких, часто теряет способность адекватно оценивать последствия своих действий [9].

2. Экономические факторы. Материальная нестабильность, низкая оплата труда, безработица, особенно среди женщин с детьми, нередко становятся толчком к совершению имущественных преступлений [5].

3. Психологические факторы. Женщины чаще совершают преступления под влиянием сильных эмоций [1, 2]. Особое значение имеют состояния аффекта, депрессии, тревожности, зависимости от партнёра. В таких ситуациях преступное поведение может восприниматься ими как способ защиты или выхода из тупика.

Кроме того, на женскую преступность влияет и культурно-медийная среда. Популяризация агрессии, потребительских ценностей и культ «сильной женщины», нередко искажённо понимаемый, способствует снижению моральных барьеров.

Кроме обозначенных факторов, существенное влияние на рост женской преступности оказывают и социально-демографические процессы. Урбанизация, миграция населения, изменение традиционного уклада жизни ведут к ослаблению семейных и родственных связей, которые ранее выполняли функцию социального контроля. В крупных городах женщины чаще остаются без поддержки со стороны родных, сталкиваются с трудностями адаптации, чувством одиночества и социальной изоляции. Отсутствие стабильных социальных контактов, в свою очередь, способствует формированию девиантных установок и утрате моральных ориентиров.

Немаловажную роль играет и влияние ближайшего окружения. Женщины, состоящие в отношениях с лицами, ведущими криминальный образ жизни, нередко вовлекаются в противоправную деятельность под давлением партнёра или вследствие эмоциональной зависимости. Подобные случаи особенно характерны для молодых женщин, не имеющих жизненного опыта и материальной самостоятельности. Таким образом, преступное поведение может формироваться не как осознанный выбор, а как результат неблагоприятных жизненных обстоятельств и внешнего воздействия.

Также необходимо учитывать и уровень правовой культуры. Недостаточная информированность женщин о своих правах, о возможностях получения социальной и психологической помощи приводит к тому, что многие из них выбирают противоправные способы решения проблем. Отсутствие эффективных государственных программ профилактики и поддержки усугубляет ситуацию: женщины, оказавшиеся в кризисе, часто не знают, куда обратиться за помощью, и в отчаянии совершают поступки, нарушающие закон.

Психологические причины женской преступности также заслуживают отдельного внимания. Для многих женщин преступление становится своеобразным криком о помощи, попыткой привлечь внимание общества к своему положению. В некоторых случаях преступные действия совершаются не из корыстных побуждений, а как реакция на безысходность, страх, унижение или насилие. Особенно часто это наблюдается в семьях, где женщина на протяжении длительного времени подвергалась физическому или моральному насилию и, не видя иного выхода, совершает преступление против обидчика.

Современные исследования также указывают на влияние психических расстройств и зависимостей – алкогольной, наркотической, игровой [9]. Эти состояния ослабляют самоконтроль, повышают импульсивность и снижают способность оценивать последствия поступков. При этом для женщин характерна тенденция к скрытому течению подобных зависимостей, что осложняет их своевременное выявление и коррекцию.

Таким образом, причины женской преступности нельзя рассматривать изолированно. Это комплексное явление, обусловленное сочетанием социальных, экономических и личностно-психологических факторов, на пересечении которых формируется девиантное поведение. Для эффективного противодействия этому явлению требуется системный подход, включающий профилактику, психологическую поддержку и социальную адаптацию женщин, находящихся в группе риска.

3. Современные тенденции женской преступности в России

По данным МВД России [10], в 2024 году было зарегистрировано более 180 тысяч преступлений, совершённых женщинами. Из них около 60% – имущественные, 20% – против личности, 10% – экономические и 3–5% – коррупционные. Наблюдается рост участия женщин в мошеннических схемах с банковскими картами и интернет-преступлениях [7].

Особенно тревожит тенденция увеличения числа женщин, осуждённых за преступления, совершённые в составе групп или по предварительному сговору. Это говорит о постепенном разрушении прежнего стереотипа, что женщины не склонны к организованной преступности.

Отдельное внимание заслуживает рецидивная преступность. Более 30% женщин, освобождённых из мест лишения свободы, вновь совершают преступления в течение трёх лет. Основные причины – трудности в трудоустройстве, отсутствие жилья и поддержки со стороны общества. Это показывает необходимость усиления мер социальной реабилитации.

Современные тенденции женской преступности отражают не только количественные изменения, но и качественную трансформацию самого характера противоправного поведения. В последние годы отмечается рост числа преступлений, совершаемых женщинами с использованием информационно-коммуникационных технологий. Это объясняется

доступностью цифровых инструментов, возможностью анонимного взаимодействия и снижением риска немедленного разоблачения. Всё больше женщин вовлекаются в мошеннические операции с банковскими картами, микрозаймами, интернет-магазинами и криптовалютными платформами. При этом многие из них не осознают в полной мере степень уголовной ответственности за подобные действия, что свидетельствует о низком уровне правовой грамотности.

Наряду с этим прослеживается тенденция к «омоложению» женской преступности [4, 7]. Всё чаще в поле зрения правоохранительных органов попадают девушки в возрасте до 25 лет, совершающие преступления, связанные с кражами, мошенничеством и распространением запрещённых веществ. Молодёжь, находясь под влиянием социальных сетей и агрессивных маркетинговых моделей поведения, легче поддаётся соблазну быстрого обогащения. С другой стороны, у молодых женщин отсутствует жизненный опыт, что делает их особенно уязвимыми перед криминальными структурами, предлагающими «лёгкий заработок».

Наблюдается и рост преступлений, совершаемых женщинами в сфере семейно-бытовых отношений [9]. К числу таких преступлений относятся убийства, причинение вреда здоровью, истязания и жестокое обращение с детьми. Большинство подобных деяний совершается в состоянии аффекта, на фоне хронического стресса или длительных конфликтов в семье. Женщины, не имеющие доступа к психологической и социальной помощи, зачастую оказываются в ситуации эмоционального срыва, что приводит к трагическим последствиям.

Значительным остаётся и уровень латентной женской преступности – то есть преступлений, не попадающих в официальную статистику. Многие правонарушения, особенно мелкие имущественные, совершаются женщинами, но не фиксируются правоохранительными органами по различным причинам: страх наказания, стыд, давление со стороны окружения. Это означает, что реальный уровень женской преступности может быть выше официальных данных.

Важным индикатором состояния женской преступности является анализ региональных различий. Так, наибольшее число преступлений, совершаемых женщинами, фиксируется в экономически неблагополучных регионах, где

наблюдается высокий уровень безработицы и низкий уровень жизни. В крупных мегаполисах же чаще встречаются случаи экономических и киберпреступлений, совершаемых женщинами с более высоким уровнем образования. Это подтверждает, что мотивация преступного поведения напрямую связана с социально-экономическими условиями проживания.

Рецидивная женская преступность остаётся одной из самых сложных проблем современной уголовной политики [6]. Женщины, освободившиеся из мест лишения свободы, сталкиваются с системной дискриминацией: их не принимают на работу, отказывают в аренде жилья, общество клеймит их как «неблагонадёжных». Всё это приводит к повторным правонарушениям. Эффективных программ социальной адаптации, ориентированных именно на женщин, в России пока недостаточно. Между тем международный опыт показывает, что участие в программах психологической поддержки, профессиональной подготовки и восстановления социальных связей существенно снижает риск повторных преступлений.

Таким образом, современная женская преступность приобретает всё более сложный и многомерный характер. Её структура отражает не только индивидуальные особенности личности, но и общие тенденции развития общества – цифровизацию, трансформацию семейных ценностей, социальное расслоение и деформацию моральных ориентиров. Всё это требует комплексного подхода к изучению и профилактике данного явления, объединяющего усилия государства, научного сообщества и общественных институтов.

4. Профилактика и меры предупреждения женской преступности

Профилактика женской преступности должна опираться на понимание её причин и особенностей. Эффективная система предупреждения включает три уровня: социальный, психологический и правовой [3, 8].

Социальный уровень предполагает развитие программ поддержки женщин, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: центры временного проживания, помощь матерям-одиночкам, профилактика домашнего насилия [5, 8].

Психологический уровень – это работа с женщинами, склонными к девиантному поведению: кризисные центры, консультации

психологов, программы эмоциональной стабильности.

Правовой уровень связан с совершенствованием уголовной политики. Необходимо развивать альтернативные меры наказания для женщин, имеющих малолетних детей, применять более гибкий подход к их исправлению и ресоциализации.

Важную роль играет государственно-общественное партнёрство: участие некоммерческих организаций, образовательных учреждений, служб занятости и религиозных общин. Профилактика женской преступности невозможна без комплексного межведомственного подхода.

Особое значение в системе профилактики женской преступности имеет ранняя превенция, направленная на предупреждение асоциального поведения ещё на стадии формирования личности. Это предполагает активную работу с девушками-подростками, воспитывающимися в неблагополучных семьях, а также с женщинами, подвергшимися насилию или социальной дискриминации. Образовательные учреждения, органы опеки, социальные службы и психологи должны действовать совместно, создавая условия для позитивной социализации и формирования устойчивых моральных ориентиров.

Важным направлением профилактической деятельности является повышение уровня правовой грамотности женщин [2, 8]. Проведение семинаров, тренингов и информационных кампаний позволяет формировать у них осознанное отношение к своим правам и обязанностям, а также снижает риск вовлечения в противоправную деятельность. Особенно актуально это для женщин, находящихся в трудной жизненной ситуации, мигранток и безработных, для которых доступ к достоверной юридической информации ограничен.

Следует отметить и необходимость реабилитационных программ для женщин, освобождённых из мест лишения свободы. На данном этапе важна не только помощь в трудоустройстве, но и психологическая поддержка, восстановление социальных связей, участие в общественно полезных проектах. Международная практика показывает, что успешная ресоциализация возможна только при условии индивидуального подхода и комплексной помощи, включающей психологическую, правовую и социальную составляющие [6].

Кроме того, требуется пересмотр подходов к уголовной политике в отношении женщин. В ряде случаев целесообразно заменять лишение свободы альтернативными мерами наказания – общественными работами, обязательным участием в программах коррекции поведения, контролируемым надзором. Такой подход не только способствует снижению рецидива, но и предотвращает разрушение семейных связей, особенно если женщина имеет несовершеннолетних детей.

Значительную роль в профилактике женской преступности может сыграть сотрудничество с религиозными и общественными организациями, оказывающими моральную и духовную поддержку. Эти структуры способны воздействовать на внутренние установки личности, способствовать переоценке ценностей и формированию позитивных моделей поведения.

Таким образом, эффективная профилактика женской преступности невозможна без системной работы государства, общества и семьи. Только при комплексном подходе, объединяющем правовые, социальные и психологические меры, можно добиться устойчивого снижения преступности среди женщин и способствовать их успешной интеграции в общественную жизнь.

Заключение

Женская преступность является сложным социально-правовым феноменом, отражающим общее состояние общества, его моральные и экономические противоречия [1, 3]. Её особенности – высокая эмоциональность, зависимость от социальных факторов, специфическая мотивация – требуют особого внимания со стороны государства и науки.

Понимание глубинных причин женской преступности помогает не только совершенствовать уголовную политику, но и формировать более гуманное общество, где женщина не будет поставлена в условия, толкающие её на преступление [2, 5].

Таким образом, исследование женской преступности имеет не только академическое, но и практическое значение: его результаты могут быть использованы для разработки эффективных программ профилактики, социальной реабилитации и правовой поддержки женщин, оказавшихся в конфликте с законом [6, 8].

В заключение следует подчеркнуть, что борьба с женской преступностью невозможна исключительно мерами уголовного

воздействия. Необходим комплексный подход, включающий реформирование социальной, экономической и образовательной политики государства. Важным направлением должно стать укрепление института семьи, поддержка материнства и детства, обеспечение занятости женщин, особенно в сельской местности. Только создание устойчивых социальных гарантий и равных возможностей может снизить уровень социальной напряжённости и предотвратить вовлечение женщин в противоправную деятельность.

Немаловажным аспектом остаётся изменение общественного восприятия женщин, совершивших преступления. Современная система должна ориентироваться не только на наказание, но и на восстановление личности, предоставление шанса на возвращение к полноценной жизни. Государственная и общественная поддержка таких женщин способствует их ресоциализации, формированию ответственности перед обществом и укреплению правопорядка в целом.

Кроме того, особое значение имеет развитие научных исследований в области женской преступности. Глубокий криминологический анализ, изучение психологических особенностей женского поведения, а также оценка эффективности действующих мер профилактики позволят выработать более точные и адресные стратегии противодействия. Это, в свою очередь, будет способствовать формированию научно обоснованной государственной политики, направленной на снижение преступности и повышение уровня правосознания в обществе.

В долгосрочной перспективе реализация комплексных мер по предупреждению

женской преступности должна стать неотъемлемой частью государственной стратегии в сфере правопорядка и социальной защиты. Только при взаимодействии государства, научного сообщества и гражданского общества возможно создание условий, при которых каждая женщина сможет реализовать свой потенциал законным и социально полезным путём.

Литература

1. Антонян Ю.М. Женская преступность и её предупреждение. – М.: Юрлитинформ, 2021.
2. Баженова Т.А. Гендерный аспект преступности: криминологический анализ. – СПб.: СПбГУ, 2019.
3. Долгова А.И. Криминология. Учебник. – М.: Норма, 2022.
4. Колодкин Л.А. Современные проблемы женской преступности в России. // Право и общество, 2024.
5. Михайлова С.В. Факторы, способствующие росту женской преступности. – М.: Юрлитинформ, 2022.
6. Лушникова М.В. Проблемы ресоциализации женщин, освобождённых из мест лишения свободы. // Вестник пенитенциарной системы, 2020.
7. Соловьёва Л.П. Современные тенденции преступности женщин в России. – М.: Юрайт, 2024.
8. Комиссарова Т.В. Профилактика насильственных преступлений, совершаемых женщинами. // Юридическая наука, 2022.
9. Смирнова Н.П. Криминологические аспекты домашнего насилия. – М.: Инфра-М, 2021.
10. МВД России. Отчёт о состоянии преступности в Российской Федерации за 2023 год.

BEISENBAYEVA Altyn Dulatovna

Graduate Student, Moscow University of Finance and Industry "Synergy", Russia, Moscow

FEMALE CRIME: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Abstract. *The article examines the features of female criminality in modern Russia, analyzes the main causes, motives and trends of its development. The psychological and social factors influencing the formation of criminal behavior of women are revealed. The directions of improving the prevention and social rehabilitation of women who have committed crimes are being determined.*

Keywords: *female crime, criminology, prevention, social adaptation, motivation of criminal behavior.*

ИСАЙКИНА Алиса Александровна

студентка, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Саранск

Научный руководитель – доцент кафедры уголовного права и процесса Средне-Волжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), кандидат политических наук Ширманов Евгений Владимирович

ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ КАК ГЕНОЦИДА

Аннотация. Несмотря на то, что геноцид как преступление содержится в нормах национального законодательства большинства стран, оно также подпадает под международно-правовые нормы, отражая политический контекст совершенных преступным лицом деяний. В данной статье нами освещаются конкретные проблемы уголовно-правовой квалификации деяния в качестве геноцида, как одного из самых жестоких и тяжких преступлений против мира и безопасности человечества.

Ключевые слова: безопасность человечества, геноцид, уничтожение, уголовное право, непосредственный объект, проблемы квалификации деяния.

Правовое закрепление понятия «геноцид» сформулировано уголовным законодательством Российской Федерации как «действия, направленные на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой путем убийства членов этой группы, причинения тяжкого вреда их здоровью, насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, насильственного переселения либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы» [1].

Однако, не стоит забывать, что ввиду существования посягательства на все человечество в целом и его совершения в рамках политики одного государства, подобный состав преступления подпадает под категорию не только национальных, но и международных норм. Так, ст. 2 Конвенции ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказании за него» под геноцидом подразумевает действия с целью полного или частичного уничтожения какой-либо национальной, этнической, расовой или религиозной группы как таковой. Такое преступление может быть реализовано в форме:

1. Убийства членов такой группы;
2. Причинения серьезных телесных повреждений или умственного расстройства членам такой группы;

3. Предумышленного создания для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение ее;

4. Обеспечения мер, рассчитанных на предотвращение деторождения в среде такой группы;

5. Насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую [2].

Сравнивая перечисленные виды активных действий в уголовном законодательстве России и в международной норме, можно сделать вывод о том, что понимание геноцида является смежным, значит подобный состав выступает не только в качестве российского уголовно-запрещенного деяния, но и как грубое нарушение норм международного права, что делает его преступлением против всего человечества.

Элементы, образующие состав преступления, также совпадают в российском и международном праве и представляют собой: объект, объективную сторону, субъект и субъективную сторону.

Так, говоря об объекте преступления в праве, наука уголовного права подразумевает общественные отношения, урегулированные законодательством, на которые посягает преступление, и выделяет общий, родовой и непосредственный виды объекта. Так, родовым объектом деяния «геноцид» как преступления против мира и безопасности человечества

выступают общественные отношения, складывающиеся в результате соблюдения норм международного права. Непосредственным объектом преступления являются также общественные отношения, рамки которых сужены до границ обеспечения безопасных условий жизни национальных, этнических, расовых и религиозных групп [3].

В рамках объекта необходимо упомянуть, что ключевым аспектом квалификации геноцида является отсутствие четких возрастных рамок для потерпевших лиц, а также отсутствия требований к количеству таких лиц, достаточно лишь установить цель и мотив, совпадающий по смыслу с диспозицией статьи «Геноцид».

Объективная сторона преступления выражена в форме активных действий, каждое из которых затрагивает жизнь, здоровье или свободу социальной группы и влечет за собой последствия их ограничения этих уголовно-правовых объектов.

Так, лишение жизни может быть достигнуто путем совершения убийства членов группы, создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, а также умышленного создания мер и осуществления мероприятий, направленных на неминуемую гибель людей.

Причинение тяжкой степени вреда здоровью реализуется преступником в виде осуществления насильственного воспрепятствования деторождению, принудительной передачи детей, принятия соответствующих мер ограничивающих или препятствующих рождению детей среди членов определенной группы, отобрание детей помимо воли родителей и передача их представителям другой группы, в другие семьи или детские учреждения.

Вмешательство и ограничение свободы передвижения достигается за счёт принудительного перемещения всей или части группы из мест постоянного и обособленного проживания в другие регионы государства или за его пределы, в том числе депортация [4].

Переходя к виновному лицу следует сказать, что российский уголовный закон говорит об общем субъекте преступления геноцида, что дублируется и международным правом, в норме: «Лица, совершающие геноцид или какие-либо другие из перечисленных в статье III деяний, подлежат наказанию, независимо от того, являются ли они ответственными по конституции правителями, должностными или

частными лицами», значит это исключительно физическое вменяемое лицо, достигшее шестнадцатилетнего возраста [2]. Однако, что делать, когда данное деяние совершается не индивидом, а доходит до государственного масштаба? События на территориях бывшей Югославии, Севере Африки и Ближнем Востоке указывают международно-правовому сообществу на неизбежность расширения субъектного состава преступления геноцида от конкретных лиц до отдельных государств, истребляющих собственный или другой народ [3]. Так, Международный трибунал по Югославии установил, что в 1995 году в Сребренице было убито более 8 000 взрослых мужчин из числа боснийских мусульман, совершенное солдатами армии Республики Сербской под командованием генерала Ратко Младича. Хотя виновным лицом и был признан командующий генерал, версия о наличии у него распоряжений «сверху» остается неподтверждённой, однако не может быть полностью исключена [5, с. 45]. Таким образом, исходя из сложившихся реалий, ответственность за геноцид в современных условиях не может ограничиваться лишь отдельными лицами, поэтому необходимо внести специальные признаки субъекта как в национальное законодательство России, так и в международное.

Субъективная сторона состава выражается в умышленной форме вины в виде прямого специального умысла, заключающегося в намерении уничтожить определённую группу людей. Однако данный вопрос не лишен сложностей. Возникает необходимость доказывания наличия умысла путем анализа не только действий обвиняемого, но и обстановки, в которой совершено преступление. Например, если действия были совершены в условиях войны или массовых беспорядков, то это может повлиять на интерпретацию намерения и целей обвиняемого, в результате чего критерии умысла по составу геноцид будут нарушены [6, с. 253].

Универсальным требованием к квалификации геноцида является установление особой цели действий виновного - стремления уничтожить полностью или частично демографическую группу. В этом состоит ее двоякое толкование, ведь преступное лицо может хотеть посягнуть на жизнь неопределённо большого количества людей, так и на жизни конкретных представителей какой-либо социальной, демографической или религиозной группы. В данном случае цель совершения преступления

становится обязательным субъективным признаком его состава. Законодательное определение обязательной цели при совершении геноцида предполагает, что все его проявления могут быть совершены только с прямым умыслом [3].

Мотивом по данному составу могут выступать как политические, так и идеологические взгляды преступника. Так, например, побуждением к совершению геноцида в одинаковой степени может являться устранение радикально настроенных к власти религиозных меньшинств, так и стремление искоренить представителей какой-либо национальности [6, с. 254].

Таким образом, геноцид остаётся одной из самых страшных форм насилия и его квалификация требует не только грамотного юридического анализа, но и глубокого осмысления человеческой природы и изучения исторического контекста. Дача юридической оценки для такого вида преступления против безопасности человечества является многогранной задачей, требующей учёта множества факторов, включая определение субъективного состава, умысел, характер действий и контекст, в котором они происходят.

Литература

1. Уголовный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 23.04.2019 г.) // СЗ РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 357.
2. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (Нью-Йорк, 9 декабря 1948 г.) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1954. №12. Ст. 2.
3. Уголовно-правовой анализ геноцида, как преступления против безопасности человечества // Библифонд. URL: <https://www.bibliofond.ru/view.aspx?id=443664> (дата обращения: 15.09.2025).
4. Проблемы квалификации геноцида // АПНИ. URL: <https://apni.ru/article/4676-problemi-kvalifikatsii-genotsida> (дата обращения: 15.09.2025).
5. Степаненко Е.В. События июля 1995 года в Сребренице в этнополитической истории Балкан // Наука. Инновации. Технологии. 2010. №71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sobytiya-iyulya-1995-goda-v-srebrenitse-v-etnopoliticheskoy-istorii-balkan> (дата обращения: 16.10.2025).
6. Ситчихин Д.Г. Проблемы при квалификации преступления в качестве геноцида // Моя профессиональная карьера. 2024. № 67. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=79005305> (дата обращения: 19.09.2025).

ISAIKINA Alice Alexandrovna

Student, Middle Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Saransk

Scientific Advisor – Associate Professor of the Department of Criminal Law and Procedure of the Middle Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Candidate of Political Sciences Shirmanov Evgeny Vladimirovich

PROBLEMS OF CRIMINAL QUALIFICATION OF AN ACT AS GENOCIDE

Abstract. *Despite the fact that genocide as a crime is included in the national legislation of most countries, it is also subject to international legal norms, reflecting the political context of the acts committed by the perpetrator. In this article, we explore the specific issues of criminal law classification of genocide as one of the most brutal and serious crimes against peace and security of humanity.*

Keywords: *security of humanity, genocide, destruction, criminal law, direct object, problems of legal qualification.*

КУЛИКОВА Светлана Анатольевна

студентка, Дальневосточный государственный университет путей сообщения,
Россия, г. Хабаровск

*Научный руководитель – профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин
Дальневосточного государственного университета путей сообщения,
доктор философских наук Туркулец Светлана Евгеньевна*

РАЗГРАНИЧЕНИЕ НАХОДКИ И КРАЖИ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЕ РФ

Аннотация. В статье рассматривается проблема квалификации хищений. Отграничение незаконных действий по изъятию, обращению в свою пользу забытой или утраченной вещи, от ответственности по обращению с находкой в соответствии с ГК РФ.

Ключевые слова: кража, находка, квалификация хищений, обнаружение утерянной вещи.

Вопросы квалификации действий лиц, присваивающих чужое имущество, находящееся без присмотра, традиционно вызывают сложности как в теории уголовного права, так и в правоприменительной практике. Разграничение понятий находки и кражи представляет особую важность для справедливого применения законодательства и защиты имущественных прав граждан. В современной правовой системе Российской Федерации отсутствует специальная уголовная ответственность за неправомерные действия с найденным имуществом, что создает пробел между гражданско-правовой и уголовно-правовой ответственностью. В данной статье рассматриваются теоретические и практические аспекты разграничения находки и кражи, а также обосновывается необходимость возвращения в Уголовный кодекс РФ ответственности за ненадлежащее обращение с находкой.

В современном российском правовом пространстве проблематика соотношения находки и кражи приобретает особую актуальность в связи с трансформацией имущественных отношений, развитием цифровой экономики и изменением подходов к концепции владения. Углубленный анализ правовой природы этих институтов позволяет выявить существенные противоречия и пробелы в действующем законодательстве.

Находка как гражданско-правовой институт регламентируется статьями 227–229 Гражданского кодекса РФ, которые раскрывают данное понятие через категорию "потерянной вещи".

При этом законодатель конструирует сложный юридический состав, включающий обнаружение имущества, выбывшего из владения собственника помимо его воли, и последующее возникновение обязанностей у нашедшего. Современная цивилистическая доктрина относит находку к первоначальным способам приобретения права собственности с отлагательным условием, что представляет собой уникальную правовую конструкцию.

Важно отметить, что правовой режим находки предполагает наличие трехступенчатой системы действий нашедшего:

1. Немедленное уведомление лица, потерявшего вещь;
2. При невозможности установления владельца - заявление о находке в полицию или орган местного самоуправления;
3. Обеспечение сохранности найденной вещи до передачи собственнику или уполномоченному органу.

При этом современная судебная практика демонстрирует тенденцию к расширительному толкованию объема обязанностей нашедшего, что подтверждается Определением Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.06.2020 № 24-КГ20-1, где указывается на необходимость проявления нашедшим активных действий по поиску собственника.

В свою очередь, кража, определяемая статьей 158 УК РФ как тайное хищение чужого имущества, представляет собой наиболее распространенное преступление против

собственности. Согласно статистическим данным Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в 2024 году около 38% всех осужденных привлекались к ответственности именно за кражу.

В уголовно-правовой доктрине кража характеризуется совокупностью следующих признаков:

- противоправность изъятия;
- безвозмездность;
- корыстная цель;
- причинение ущерба собственнику;
- тайный способ совершения преступления.

Ключевым признаком, отграничивающим кражу от смежных составов, является тайность изъятия, которая в современной судебной практике трактуется не только как обнаружение действий преступника потерпевшим или третьими лицами, но и как субъективное восприятие виновным ситуации как тайной (Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29).

В условиях цифровизации общественных отношений традиционное понимание владения трансформируется, что создает новые вызовы при определении правовой природы обнаружения имущества. Современная судебная практика выработала несколько критериев разграничения находки и кражи:

1. Критерий контроля над имуществом. Если вещь находится в месте, подконтрольном собственнику или иному владельцу (забытые в такси или кафе вещи), изъятие такого имущества квалифицируется как кража, что подтверждается Апелляционным определением Московского городского суда от 18.03.2019 по делу № 10-4125/2019.

2. Критерий осведомленности о принадлежности вещи. Если лицо осведомлено о принадлежности обнаруженного имущества конкретному лицу, его присвоение образует состав кражи (Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19.05.2021 № 18-УД21-27).

3. Критерий временного характера утраты владения. Временное оставление имущества без присмотра при наличии признаков намерения владельца вернуться (например, оставление куртки на вешалке в общественном месте) не прерывает фактического господства над вещью, и изъятие такого имущества образует кражу.

В актуальной судебной практике наблюдается тенденция к сужению сферы применения института находки в пользу квалификации действий как кражи, что отражает усиление защиты имущественных прав граждан в условиях роста имущественных преступлений.

Современная правовая реальность демонстрирует наличие значительной «серой зоны» между гражданско-правовым режимом находки и уголовно-правовой квалификацией кражи. Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте цифровых устройств (смартфоны, планшеты) и электронных платежных инструментов, где материальная ценность вещи часто несопоставима с ценностью содержащейся информации или возможностью несанкционированного доступа к финансовым ресурсам.

Законодатель закрепил в ГК РФ основания приобретения права собственности как в отношении имущества, которое имеет собственника, но и на имущество, собственник которого неизвестен, в том числе на находку. Активное поведение лица, нашедшего вещь (заявление о находке, поиски ее собственника и т. п.), исключает уголовную ответственность за ее хищение и служит законодательно конкретизированным критерием для разграничения правомерного и противоправного деяния.

Невыполнение таких активных действий хотя и является по общему правилу неправомерным, но не образует признаков преступления.

Если лицо, обнаружившее найденную вещь, наряду с невыполнением действий, предусмотренных статьей 227 ГК РФ, совершает сокрытие найденной вещи (в своих вещах, в своем жилище, путем передачи другому лицу в целях сокрытия и т. д.) либо сокрытие признаков, позволяющих индивидуализировать вещь или подтвердить ее принадлежность законному владельцу (вытаскивает сим-карту из телефона, снимает чехол и т. д.), то такое поведение может свидетельствовать о возникшем умысле на хищение.

Поскольку УК РФ относит к объективным признакам хищения не только изъятие, но и обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, то необходима оценка не только факта завладения найденным имуществом, но и его обращения в свою пользу. Такое поведение приобретает общественно-опасный характер и образует единое сложное деяние,

направленное на неосновательное обогащение, и по своей природе является кражей.

Таким образом сама по себе находка чужого имущества не образует состав уголовно наказуемого деяния, а вот дальнейшее действия лица, нашедшего чужое, будет определять его дальнейший статус.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.06.2021) // Собрание законодательства РФ. 05.12.1994. № 32. ст. 3301.

2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 01.07.2021) // Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. ст. 2954.

3. Хиллута В.В. Находка или кража? Проблемы квалификации присвоения чужого имущества // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9. С. 61-69.

4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.12.2002 № 29 (ред. от 16.05.2017) «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Российская газета. № 9. 18.01.2003.

KULIKOVA Svetlana Anatolyevna

Student, Far Eastern State University of Railway Transport, Russia, Khabarovsk

*Scientific Advisor – Professor of the Department of Criminal Law Disciplines
of the Far Eastern State University of Railways,
Doctor of Philosophy Turkulets Svetlana Evgenievna*

THE DISTINCTION BETWEEN DISCOVERY AND THEFT IN THE MODERN LEGAL SYSTEM OF THE RUSSIAN FEDERATION

Abstract. *The article discusses the problem of qualification of embezzlement. Delineation of illegal actions to seize or turn in one's favor a forgotten or lost item from responsibility for handling a find in accordance with the Civil Code of the Russian Federation.*

Keywords: *theft, discovery, qualification of theft, discovery of a lost item.*

МАХМУТОВА Милена Эриковна

студентка, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Саранск

ШИРМАНОВ Евгений Владимирович

кандидат политических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса,
Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Россия, г. Саранск

МЕТОДИКА РАССЛЕДОВАНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ПРОТИВ СОБСТВЕННОСТИ БЕЗ ЦЕЛЕЙ ХИЩЕНИЯ

Аннотация. В настоящее время преступления, совершаемые против собственности без наличия цели хищения, наравне с другими преступлениями оказывают отрицательно воздействие на сферу охраняемых законом прав и интересов граждан. Основная проблема научной работы заключается в отсутствии комплексного научно – практического подхода к расследованию данной категории преступлений, которые позволяли бы в полной мере охарактеризовать их специфику, а также основные способы их совершения. В настоящем исследовании представлены теоретические основы, позволяющие определить особенность квалификации противозаконных действий, их криминалистическую характеристику, специфику возбуждения уголовного дела, а также проанализированы практические методы расследования преступлений.

Ключевые слова: собственность, преступление, уголовная ответственность, методы расследования преступлений, уголовное расследование.

Преступления против собственности без наличия цели хищения негативно сказываются на состоянии общественной безопасности, реализации прав и свобод граждан, а также затрагивают интересы соответствующих властных структур, в компетенцию которых входит обеспечение стабильности, законности и правопорядка в государстве.

Преступления против собственности – это общественно опасные, виновно противоправные и уголовно наказуемые деяния, посягающие на отношения по владению, пользованию, распоряжению имуществом [1, с. 9].

В научных источниках можно встретить различные подходы в классификации преступлений против собственности. Общепринятой концепцией классификации подобных преступлений является деление на несколько категорий, а именно корыстные и не корыстные преступления.

В частности, считаем необходимым выделить позицию С. М. Кочои, в своих работах утверждавший, что преступления против собственности делятся на корыстные преступления, к которым относит хищения (ст. ст. 158–161, 164 УК РФ) и корыстные преступления против собственности, не являющиеся

хищением, а также выделяет не корыстные преступления против собственности (ст. 166–168 УК РФ) [2, с. 10].

Преступления против собственности без цели хищения весьма отличаются от преступлений, имеющих противоположные незаконные намерения по отношению к чужому имуществу. Основное отличие будет состоять в наличии корыстного мотива, который может быть обусловлен личной местью, стремлением к собственному обогащению, материальными трудностями, хулиганскими побуждениями и многим другим.

Особенностью преступлений против собственности, целью которых является их незаконное извлечение, связана с совершением ряда типовых противоправных действий, обусловленных уничтожением или причинением вреда чужой собственности, а также применением насилия или угроз в адрес потерпевшего. При этом важной спецификой, характеризующей совершение подобных преступлений, выступает сокрытие обстоятельств произошедшего путем совершения определенных действий, направленных на уничтожение улик и иных вещественных доказательств, оставление

места происшествия, а также скрытие орудий совершения преступления.

При рассмотрении специфики преступлений, объектом посягательства которых выступает собственность, считаем необходимым детально проанализировать особенности личности преступника и потерпевшего.

Прежде всего, стоит обратить внимание на личность преступника, которая характеризуется рядом признаков, такими как: наличие склонности к аморальному поведению, вспыльчивостью, агрессивностью, а также тревожностью. Нередко лицами, имеющими данные особенности, выступают именно молодые люди. В случае, если субъектами преступления признаются лица молодого возраста, специфика таких преступлений заключается в осуществлении незаконных действий в составе преступной группы.

Потерпевшим, как правило, выступает физическое лицо, чье имущество стало объектом преступного посягательства. Важным аспектом личности потерпевшего выступает его психологическая готовность к действиям в нестандартных ситуациях. В большинстве случаев потерпевший не знаком со злоумышленником. Однако при редких обстоятельствах между ними могут существовать ранее сложившиеся отношения. Например, в результате возникновения конфликтной ситуации, которая может являться непосредственной причиной совершения преступником противоправных действий. В таком контексте взаимодействие между злоумышленником и потерпевшим зачастую выступает необходимым элементом при определении мотива преступления, обстоятельств произошедшего, а также при установлении личности преступника.

В случае если лицо совершило преступление, действия такого субъекта подлежат правовой оценки со стороны правоохранительных органов. В частности, уполномоченные органы инициируют уголовное расследование в отношении предполагаемого подозреваемого.

Начальным этапом уголовного разбирательства является возбуждение уголовного дела, поводом которого служит наличие заявления потерпевшего либо же достаточное количество данных, указывающих на признаки состава преступления в действиях подозреваемого.

Следующей стадией уголовного разбирательства является предварительное расследование. На данном этапе сотрудники силовых

структур проводят следственные действия, которые включают под собой осмотр места происшествия, допрос подозреваемых или же свидетелей, выемку улик, изъятие предметов или орудий, используемых в процессе совершения преступления.

Кроме того, работники правоохранительных органов в процессе расследования преступлений используют ряд других методов, задача которых заключается в установлении отсутствия в действиях лица цели, направленной на хищение чужой собственности, путем проведения различных следственных экспериментов, использования электронной информации, подтверждающей факт совершения преступления, а также осуществления иных оперативно – следственных мероприятий. Подтверждение отсутствия в действиях лица намерения совершить хищения чужого имущества является важным, поскольку это позволяет разграничить квалификацию преступного деяния между смежными составами преступления.

Помимо указанных следственных действий, могут применяться ряд специальных методов, таких как проведение судебной экспертизы, а также получение заключения специалистов, устанавливающих характер и размер имущественного вреда, причиненного потерпевшему.

Важно также отметить, что эффективность расследования преступления на данной стадии напрямую зависит от результативности взаимодействия между правоохранительными органами. Результатом уголовного расследования может стать либо полное оправдание обвиняемого, либо его привлечение к уголовной ответственности.

Проведя анализ методики расследования преступлений, объектом посягательства которых выступает собственность, мы считаем необходимым выделить существующие проблемы в правоприменительной практике и способы её решения. Так, основная проблема заключается в доказывании умысла подозреваемого, формируемым к моменту совершения противоправных действий, а также установлении объективной стороны состава преступления.

Определение умысла у субъекта преступления при причинении им имущественного вреда потерпевшему представляет собой достаточно непростую задачу. Данный феномен может быть обусловлен отсутствием свидетельских показаний или прямых

доказательств, указывающих на причастность конкретного лица к совершению общественно опасного деяния, сложностями в установлении непосредственного исполнителя преступления, а также недостаточным уровнем профессиональной подготовки сотрудников следственных органов. При установлении объективной стороны состава преступления может возникнуть проблема, которая заключается в том, что зачастую достаточно сложно определить, является ли конкретное общественно опасное деяние причиной наступивших последствий. Эффективное решение указанной проблемы возможно за счет совершенствования профессиональных навыков работников силовых структур, а также внедрения более современных методов в процесс расследования преступлений.

В заключении отметим, что преступления против собственности, не имеющих цели хищения, представляют большую угрозу как для обычных граждан, так и для общества в целом. Расследование подобных преступлений предполагает применение целого комплекса следственных действий, которые применяются на различных стадиях разбирательства по уголовному делу. При этом важно заметить, что

расследование по данной группе преступлений сочетает под собой ряд проблем, вызванных особенностями установления умысла подозреваемого непосредственно к моменту совершения преступления, а также правильного определения объективной стороны состава преступления. Эффективное решение данных противоречий обусловлено совершенствованием профессиональных навыков сотрудников правоохранительных органов, улучшением межведомственного взаимодействия, а также внедрением более современных методов расследования преступлений.

Литература

1. Попова А.Н. Преступления против собственности: учебное пособие в таблицах. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2017. – 80 с.
2. Анистратенко А.В. Формы и виды хищений в системе преступлений против собственности / А.В. Анистратенко // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2010. – № 1. – С. 10-14.

MAKHUTOVA Milena Erikovna

Student, Middle Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Saransk

SHIRMANOV Evgeny Vladimirovich

Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Criminal Law
and Procedure of the Middle Volga Institute (branch) All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia), Russia, Saransk

METHODOLOGY OF INVESTIGATION OF CRIMES AGAINST PROPERTY WITHOUT THE PURPOSE OF THEFT

Abstract. *Currently, crimes committed against property without the purpose of theft, on a par with other crimes, have a negative impact on the sphere of legally protected rights and interests of citizens. The main problem of scientific work is the lack of a comprehensive scientific and practical approach to the investigation of this category of crimes, which would allow to fully characterize their specifics, as well as the main ways of their commission. This study presents the theoretical foundations that allow to determine the peculiarity of the qualification of illegal actions, their forensic characteristics, the specifics of initiating criminal proceedings, as well as analyzes practical methods of investigating crimes.*

Keywords: *property, crime, criminal liability, methods of investigation of crimes, criminal investigation.*

ТИПИКИН Никита Денисович

студент, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов

ВОЛЬГИН Виктор Андреевич

студент, Саратовская государственная юридическая академия, Россия, Саратов

*Научный руководитель – доцент Саратовской государственной юридической академии,
кандидат юридических наук Очкина Анастасия Андреевна*

ОСОБЕННОСТИ ВЗЫСКАНИЯ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В статье проводится комплексный анализ института компенсации морального вреда в российском праве. Рассматриваются теоретические основы, условия и критерии взыскания, процессуальные особенности доказывания. Особое внимание уделяется проблемам определения размера компенсации и соотношения характера справедливой денежной суммы.

Ключевые слова: моральный вред, компенсация, нравственные страдания, физические страдания, критерии взыскания, разумность, справедливость, исковое заявление, доказывание.

Институт компенсации морального вреда является важным элементом системы защиты нематериальных благ и прав человека. Его становление и развитие в российском законодательстве свидетельствует о возрастании роли личности и признании государством необходимости правовой защиты ее психического и физического благополучия. Несмотря на законодательное закрепление, практика применения данного института сопряжена с существенными трудностями, главными из которых являются субъективность оценки и сложность доказывания.

В цивилистике существуют различные подходы к определению морального вреда. По словам Михайленко Е. М., вред представляет собой негативные последствия материального и нематериального свойства, возникающие вследствие повреждения или утраты собственности субъекта гражданских прав, а также в результате нанесения телесных повреждений или гибели физического лица [12, с. 253]. Саидахмедова Г. Р. подчеркивает, что понятие морального вреда охватывает не сами переживания гражданина, а именно те последствия, которые они порождают, включая психологические изменения, затрудняющие нормальное функционирование индивида в повседневной жизни [13, с. 117]. Грибанов В. П. под моральным вредом понимает умаление личного или имущественного блага, которое не связано с какими-

либо имущественными потерями для потерпевшего [14, с. 220].

В соответствии смысла статьи 151 Гражданского кодекса РФ, под моральным вредом понимаются физические или нравственные страдания, причиненные действиями (бездействиями), посягающими на принадлежащие гражданину от рождения или в силу закона нематериальные блага либо нарушающими его личные неимущественные права [1, с. 90].

Моральный вред характеризуется двумя основными формами:

1. Нравственные страдания, например чувство страха, унижения, стыда, горя, тревоги и тому подобные, связанные с утратой родственников, невозможностью продолжать активную общественную жизнь, раскрытием семейной или частой тайны, распространением порочащих сведений.

2. Физические страдания: боль, головокружение и другие негативные физиологические ощущения, являющиеся следствием причиненной травмы, заболевания, перенесенного в результате нравственных страданий.

Для того чтобы взыскать компенсацию необходимо наличие таких условий: причинение морального вреда, противоправное действие (бездействие) причинителя, причинно-следственная связь между противоправным действием и наступившим вредом, вина причинителя вреда. Указанное положение нашло

свое отражение в Постановлении Пленума Верховного суда № от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» в пункте 12 [7].

Следует указать на особенности взыскания морального вреда:

1. В отличие от убытков, моральный вред не имеет материальной основы и не поддается точному денежному исчислению. Его компенсация направлена не на восстановление имущественного положения потерпевшего, а на смягчение или сглаживание причиненных страданий, восстановление социальной справедливости.

2. Физические и нравственные страдания глубоко индивидуальны, одна и та же противоправная ситуация может вызвать у разных людей различную степень переживаний, что значительно усложняет процесс их доказывания и оценки.

3. Моральный вред подлежит компенсации только в случаях, прямо предусмотренных законом (ст. 1099 ГК РФ). Помимо общего правила, что вред компенсируется при нарушении личных неимущественных прав или посягательствах на нематериальные блага, существуют специальные случаи, когда моральный вред компенсируется независимо от вины причинителя вреда (ст. 1100 ГК РФ), а именно: вред причинен жизни или здоровью гражданина источником повышенной опасности; вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу или подписки о невыезде, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста или исправительных работ; вред причинен распространением сведений, порочащих честь, достоинство и деловую репутацию; в иных случаях, предусмотренных законом [1, с. 385].

4. Размер компенсации морального вреда определяется судом и не имеет фиксированных «тарифов».

5. Требование о компенсации морального вреда может быть заявлено совместно с требованием о возмещении имущественного вреда, так и самостоятельного.

6. Право на компенсацию тесно связано с личностью потерпевшего и, как правило, не переходит по наследству.

Несмотря на достаточно четкое законодательное регулирование, взыскание морального

вреда в гражданском судопроизводстве сталкивается со сложностями. Практика выработала определенные «правила» для типовых ситуаций (например, по делам о защите прав потребителей), но в нестандартных ситуациях судья вынужден действовать как «творец справедливости», опираясь на внутреннее убеждение и сложившуюся практику судов.

Проблема доказывания заключается в нематериальной природе вреда, что в дальнейшем приводит к тому, что истец требует компенсацию несоразмерную причиненному вреду. Бремя доказывания вреда лежит на истце, в качестве доказательств указанное лицо, по мнению Терещенко А. В., может предоставить медицинские документы, заключения эксперта-психолога или психотерапевта [2, с. 32].

Первая практическая преграда, с которой сталкивается истец, – необходимость доказать сам факт наличия нравственных или физических страданий. На практике суды требуют от истца обоснования характера и степени страданий, для того чтобы обеспечить реализацию принципа состязательности. Например, Якутский городской суд Республики Саха (Якутия) от 11 апреля 2018 года отказал в компенсации морального вреда, так как истцом не был доказан факт оказания ответчиком ненадлежащей медицинской помощи, повлекшей за собой причинение вреда здоровью истца. Вина ответчика в причинении вреда здоровью не была установлена, равно как и не было доказано причинение физических или нравственных страданий по вине ответчика [3].

Ключевой проблемой взыскания морального вреда является определение его размера. Российское законодательство и юридическая практика не содержат универсального метода расчета суммы компенсации за моральный ущерб, четких рекомендаций либо подходов к решению данной проблемы. Законодательством и высшими судебными органами установлены лишь общие критерии, подлежащие учету судами при определении размера компенсации, однако конкретные ориентиры, позволяющие однозначно оценить качество и количество указанных критериев, отсутствуют. Значение каждого критерия и степень его влияния на размер денежной выплаты определяются исключительно усмотрением суда, что невозможно ограничить строгими нормами права [5, с. 114].

Согласно статье 1101 ГК РФ, суд обязан руководствоваться требованиями разумности и

справедливости [1, с. 385]. Исходя из содержания указанной статьи суд должен учитывать: характер и степень физических и нравственных страданий (суд должен установить, насколько глубокими и продолжительными были страданиями, как они повлияли на качество жизни потерпевшего); степень вины причинителя вреда (умышленная вина влечет большую компенсацию, чем неосторожная); индивидуальные особенности потерпевшего (возраст, состояние здоровья, семейное положение) и иные заслуживающие внимание обстоятельства (оценочная категория, которая может включать материальное положение сторон, региональные особенности и т. д.).

Из-за отсутствия четких критериев оценки вреда возникают ситуации, когда суды могут присуждать суммы компенсации, сопоставимые с теми или даже превышающие те, которые они присуждают за причинение тяжкого вреда здоровью. Бывают ситуации, когда в идентичных ситуациях разным потерпевшим, испытывающим примерно одинаковый уровень боли и страданий, присуждается абсолютно разный размер компенсации (например, когда в случае смерти малолетнего ребенка по вине медицинского учреждения в пользу одних родителей присуждается больше сумма, чем в такой же ситуации присуждает другой суд).

Наглядным примером подобной ситуации служат два аналогичных дела, одно из которых рассматривалось судом Мурманской области [4], а другое – судом Самарской области [5]. В каждом из случаев потерпевшие получили серьезные травмы в ДТП, в результате чего были временно лишены возможности не только заниматься профессиональной деятельностью, но и выполнять элементарные повседневные задачи. Несмотря на схожесть продолжительности и серьезности повреждения здоровья, сумма полученной компенсации оказалась разной. Если в первом деле суд удовлетворил требование о выплате компенсации морального вреда в размере 250 тыс. рублей, то во втором дело закончилось выплатой 175 тыс. рублей, что значительно ниже первой суммы.

Относительно проблемы установления размера компенсации морального вреда, согласно мнению Панкратовой Н. А. – судьи Свердловского областного суда, отмечается отсутствие согласованности в практике судов общей юрисдикции, а именно – отсутствие единого подхода к установлению размера компенсации. Зачастую суды либо некритично принимают

требования истцов касательно запрашиваемой суммы, либо необоснованно снижают заявленную истцом сумму компенсации без достаточного обоснования своей позиции [8, с. 60].

Следует подчеркнуть, что позиция, изложенная ранее, не единственная среди исследователей данной проблематики. Так, Черно-вол Е. П. отмечает следующее: «Несомненно, основной недостаток механизма компенсации морального вреда заключается в отсутствии единых стандартов расчета ее размера для каждого конкретного случая. Сложности возникают из-за уникального характера самого морального вреда, множества факторов, оказывающих влияние на величину компенсации, необходимости учета личностных характеристик потерпевшего и прочих условий, осложняющих создание универсальной формулы для точного расчета суммы возмещения» [9, с. 50].

Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за второй квартал 2018 года (утвержден Постановлением Президиума ВС РФ от 4 июля 2018 г.) показывает, что суды ориентируются преимущественно на сумму, указанную истцом в исковом заявлении, при принятии решений о размере компенсации морального вреда [11, с. 16]. Поскольку отсутствует четкая методика расчета такой компенсации, граждане имеют возможность указывать произвольные суммы, зачастую слабо аргументированные, вследствие этого судебные постановления иногда оказываются недостаточно обоснованными.

Таким образом, актуальным становится вопрос о введении нормы в законодательство, предусматривающей обязанность судей подробно мотивировать принимаемые ими размеры компенсации. Сегодня же обоснование суммы компенсации ограничивается общими формулировками «разумности и справедливости», указанными в статье 1101 Гражданского кодекса РФ, что не обеспечивает должной ясности и убедительности.

Справедливое наблюдение заключается в том, что большинство перечисленных трудностей можно было бы предотвратить, если в стране будет сформирован единый специализированный судебный орган, занимающийся исключительно рассмотрением дел о компенсации морального вреда. Тогда такие понятия, как «разумность» и «справедливость», получили бы унифицированное применение, устраняя существующие разногласия, очевидно, что

реализация подобного сценария практически невозможна [10, с. 234].

Указанные проблемы в некотором случае присущи компенсации морального вреда как институту частного права, которые возникают из-за отсутствия четких критериев оценки. Абсолютно полностью исключить нарушение в рамках одной правовой системы невозможно, но право должно стремиться к тому, насколько это возможно, уменьшить интенсивность и частоту нарушений.

Взыскание морального вреда – это сложная, но жизненно важная задача гражданского судопроизводства, направленная на защиту достоинства и неимущественных прав граждан. Постоянное совершенствование правоприменительной практики, выработка более четких критериев и использование современных методов доказывания способны повысить эффективность института, обеспечивая более полное и справедливое восстановление нарушенных прав потеплевших.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // «Официальный интернет-портал правовой информации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/c511835e25e63740cf185038b1ad056526f814e9/.
2. Терещенко А.В. Компенсация морального вреда // Закон и жизнь. – 2018. – Т. 2, № 4. – С. 30-36.
3. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 24 июня 2019 г. № 74-КГ19-5 // «Официальный интернет-портал правовой информации» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/72227068/>.
4. Решение № 2-161/2020 2-161/2020-М-59/2020 М-59/2020 от 28 февраля 2020 г. по делу № 2-161/2020 // «Официальный интернет-портал правовой информации».
5. Решение № 2-424/2020 2-424/2020(2-6287/2019;)~М-6008/2019 2-6287/2019 М-6008/2019 от 28 февраля 2020 г. по делу № 2-424/2020 // «Официальный интернет-портал правовой информации».
6. Голубев К.И. Компенсация морального вреда как способ защиты неимущественных благ личности. 2-е изд. СПб.: Издательство «Юридический центр Пресс», 2001. – 302 с.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда» // «Официальный интернет-портал правовой информации» // https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_431485/55d9d0a88fdecad9af4eaa6f135ec763f2f109c1/.
8. Панкратова Н.А. Справка по результатам обобщения практики разрешения судами Свердловской области дел по гражданским делам о компенсации морального вреда за 2018 год // Бюллетень судебной практики по гражданским делам Свердловского областного суда. – 2018. – № 61. – С. 59.
9. Чорновол Е.П. Юрико-фактические основания возникновения обязательств по возмещению имущественного и компенсации морального вреда, причиненного незаконными актами публичной власти // Государственная власть и местное самоуправление. – 2014. – № 8. – С. 55.
10. Эрделевский А.М. Компенсация морального вреда в России и за рубежом. – М.: Изд. дом «Форум», ИНФРА-М, 1997. – 239 с.
11. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации (утвержден Постановлением Президиума ВС РФ от 4 июля 2018 г.) // «Официальный интернет-портал правовой информации» // <https://www.vsrfl.ru/documents/practice/26987/>.
12. Михайленко Е.М. Гражданское право: учебник и практикум для прикладного бакалавриата. Москва: Издательство Юрайт, 2019. – 356 с.
13. Саидахмедова Г.Р. Моральный вред: понятие // Молодой ученый. – 2020. – № 29 (319). – С. 117-118.
14. Грибанов В.П. Осуществление и защита гражданских прав. – Москва: Издательство Статус, 2022. – 414 с.

ТИПИКИН Nikita Denisovich

Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

VOLGIN Victor Andreevich

Student, Saratov State Law Academy, Russia, Saratov

*Scientific Advisor – Associate Professor of the Saratov State Law Academy,
Candidate of Law Ochkina Anastasia Andreevna*

FEATURES OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE IN CIVIL PROCEEDINGS

Abstract. *This article provides a comprehensive analysis of the institution of compensation for non-pecuniary damage in Russian law. It examines the theoretical foundations, conditions, and criteria for compensation, as well as the procedural aspects of proof. Special attention is given to the challenges of determining the amount of compensation and the nature of a fair monetary amount.*

Keywords: *moral damage, compensation, moral suffering, physical suffering, recovery criteria, reasonableness, fairness, claim, proof.*

ТИХОНОВА Юлия Алексеевна

магистрантка,

Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России,
Россия, г. Санкт-Петербург

ПРАВОВАЯ ПСИХОЛОГИЯ КАК ЧАСТЬ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

Аннотация. В современном обществе, где социальная динамика и риски становятся все более сложными, правовая психология играет критически важную роль в обеспечении социальной безопасности личности. Правовое сознание не является статичным набором знаний о законах; это динамичная система, включающая в себя убеждения, ценности, установки и психологические механизмы, определяющие правовое поведение человека.

Ключевые слова: правовая психология, девиантное поведение, ресоциализация, саморегуляция, психологическая экспертиза, кибербуллинг.

Правовая психология исследует психологические аспекты правовых явлений, включая формирование и функционирование правовых установок, восприятие правовых норм, мотивацию правового поведения и психологические последствия правонарушений. Она изучает индивидуальные и групповые представления о справедливости, законности и легитимности власти, а также психологические факторы, влияющие на соблюдение или нарушение законов. Социальная безопасность личности неразрывно связана с правовым сознанием, которое, в свою очередь, испытывает влияние правовой психологии. Высокий уровень правового сознания предполагает глубокое понимание правовых норм, уважение к закону и готовность следовать ему. Это способствует формированию правомерного поведения, снижает риск правонарушений и, как следствие, повышает уровень социальной безопасности. Правовая психология способствует разработке эффективных мер профилактики правонарушений, оптимизации деятельности правоохранительных органов и повышению уровня правовой культуры общества. Она помогает понять психологические причины девиантного поведения, разработать стратегии ресоциализации правонарушителей и создать среду, способствующую соблюдению законности и правопорядка. Важно подчеркнуть, что развитие правовой психологии и ее интеграция в образовательные и правовые системы являются ключевыми факторами укрепления

социальной безопасности личности в современном мире.

В контексте социальной безопасности личности правовая психология позволяет выявлять и анализировать психологические факторы, способствующие радикализации и экстремизму. Исследование мотивации вступления в экстремистские организации, механизмов влияния пропаганды и психологических особенностей лиц, совершающих террористические акты, позволяет разрабатывать контрмеры, направленные на предотвращение этих угроз. Понимание психологических процессов, лежащих в основе ненависти и нетерпимости, является основой для разработки образовательных программ и социальных инициатив, способствующих формированию толерантного и инклюзивного общества.

Правовая психология также играет важную роль в защите прав и свобод личности. Она изучает психологические аспекты судебного процесса, включая свидетельские показания, допросы и принятие решений судьями и присяжными. Понимание психологических факторов, влияющих на объективность и беспристрастность, помогает предотвратить судебные ошибки и обеспечить справедливое разбирательство. Исследование влияния стресса и травмы на показания свидетелей позволяет разрабатывать более надежные методы оценки достоверности информации.

В сфере профилактики преступности правовая психология предоставляет ценные инструменты для разработки эффективных стратегий,

направленных на снижение рецидивов. Анализ психологических характеристик преступников, изучение мотивации преступного поведения и разработка программ реабилитации, учитывающих индивидуальные особенности, позволяют добиться значительных результатов в снижении уровня преступности. Психологическая помощь жертвам преступлений также является важным аспектом работы в сфере социальной безопасности.

Развитие правовой психологии способствует формированию правовой культуры, основанной на взаимном уважении, доверии и сотрудничестве. Повышение уровня правовой грамотности, формирование позитивного отношения к закону и развитие навыков конструктивного разрешения конфликтов являются ключевыми факторами укрепления социальной безопасности личности и создания гармоничного общества. Интеграция знаний правовой психологии в образовательные программы, государственную политику и правоприменительную практику является необходимым условием для построения безопасного и справедливого мира.

В контексте социальной безопасности личности правовая психология позволяет выявлять и анализировать психологические факторы, способствующие радикализации и экстремизму. Исследование мотивации вступления в экстремистские организации, механизмов влияния пропаганды и психологических особенностей лиц, совершающих террористические акты, позволяет разрабатывать контрмеры, направленные на предотвращение этих угроз. Понимание психологических процессов, лежащих в основе ненависти и нетерпимости, является основой для разработки образовательных программ и социальных инициатив, способствующих формированию толерантного и инклюзивного общества. Правовая психология также играет важную роль в защите прав и свобод личности. Она изучает психологические аспекты судебного процесса, включая свидетельские показания, допросы и принятие решений судьями и присяжными. Понимание психологических факторов, влияющих на объективность и беспристрастность, помогает предотвратить судебные ошибки и обеспечить справедливое разбирательство. Исследование влияния стресса и травмы на показания свидетелей позволяет разрабатывать более надежные методы оценки достоверности информации. В сфере профилактики преступности

правовая психология предоставляет ценные инструменты для разработки эффективных стратегий, направленных на снижение рецидивов. Анализ психологических характеристик преступников, изучение мотивации преступного поведения и разработка программ реабилитации, учитывающих индивидуальные особенности, позволяют добиться значительных результатов в снижении уровня преступности. Психологическая помощь жертвам преступлений также является важным аспектом работы в сфере социальной безопасности. Развитие правовой психологии способствует формированию правовой культуры, основанной на взаимном уважении, доверии и сотрудничестве. Повышение уровня правовой грамотности, формирование позитивного отношения к закону и развитие навыков конструктивного разрешения конфликтов являются ключевыми факторами укрепления социальной безопасности личности и создания гармоничного общества. Интеграция знаний правовой психологии в образовательные программы, государственную политику и правоприменительную практику является необходимым условием для построения безопасного и справедливого мира.

Кроме того, правовая психология вносит существенный вклад в разработку эффективных методов работы правоохранительных органов. Понимание психологии общения, ведения переговоров и урегулирования конфликтов позволяет сотрудникам правоохранительных органов более эффективно взаимодействовать с гражданами, предотвращать эскалацию напряженности и находить компромиссные решения в сложных ситуациях. Развитие навыков психологической саморегуляции и управления стрессом также является важным аспектом профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов, позволяющим им эффективно выполнять свои обязанности в условиях повышенного давления и эмоциональной нагрузки.

Правовая психология активно участвует в разработке и совершенствовании законодательства. Анализ психологических последствий законодательных инициатив, оценка их влияния на поведение людей и социальные процессы позволяют разрабатывать более эффективные и справедливые законы, учитывающие психологические особенности личности и общества. Психологическая экспертиза нормативных правовых актов помогает выявлять возможные риски и негативные последствия,

связанные с их применением, и вносить необходимые коррективы, направленные на защиту прав и свобод граждан.

Заключение

В эпоху цифровых технологий правовая психология сталкивается с новыми вызовами и задачами. Изучение психологических аспектов киберпреступности, влияния социальных сетей и онлайн-платформ на поведение людей, а также разработка методов противодействия дезинформации и пропаганде в интернете становятся все более актуальными. Понимание психологических механизмов, лежащих в основе онлайн-манипуляций и кибербуллинга, позволяет разрабатывать эффективные стратегии защиты личности и общества в цифровом пространстве.

В заключение следует подчеркнуть, что правовая психология является важным инструментом обеспечения социальной безопасности личности, защиты прав и свобод граждан и построения справедливого и гармоничного общества. Интеграция знаний правовой психологии

в различные сферы жизни общества является необходимым условием для создания безопасного и благоприятного пространства для развития каждой личности.

Литература

1. Рубинштейн С.Л. Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2004. С. 720.
2. Колин К.К. Современное международное информационное пространство и актуальные проблемы национальной и глобальной безопасности // Биосферная совместимость: человек, регион, технологии. 2022. С. 45-52.
3. Романов В.В. Юридическая психология: учебное пособие для среднего профессионального образования. – 3-е изд., перераб. и доп. – М., 2020. – С. 265.
4. Данельян А.А. Международно-правовое регулирование киберпространства // Образование и право. 2020. № 1. С. 260-266.
5. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Я. Психология преступника и расследование преступлений. М., 1996. С. 28-44.

TIKHONOVA Yulia Alekseevna

Master's Student, Saint Petersburg University of the State Fire Service
of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Russia, Saint Petersburg

LEGAL PSYCHOLOGY AS A PART OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN THE FIELD OF PERSONAL SOCIAL SECURITY

Abstract. *In today's society, where social dynamics and risks are becoming increasingly complex, legal psychology plays a crucial role in ensuring personal social security. Legal consciousness is not a static set of knowledge about laws; it is a dynamic system that includes beliefs, values, attitudes, and psychological mechanisms that determine a person's legal behavior.*

Keywords: *legal psychology, deviant behavior, resocialization, self-regulation, psychological expertise, cyberbullying.*

МАРКЕТИНГ, РЕКЛАМА, PR

МОНГУШ Ай-Суу Александровна

магистрантка, Тувинский государственный университет, Россия, г. Кызыл

СПЕЦИФИКА ПОЛИТИЧЕСКОГО МАРКЕТИНГА В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматривается специфика политического маркетинга в России, анализируются особенности его применения в условиях российской политической системы. Особое внимание уделяется факторам, влияющим на эффективность политических кампаний, а также методам и инструментам, используемым в политическом маркетинге.

Ключевые слова: политический маркетинг, Российская Федерация, политическая система, централизация власти, политическая конкуренция, медиaprостранство, СМИ, политическая культура, электоральная активность.

Политический маркетинг представляет собой ключевой инструмент для современных политических партий и кандидатов, обеспечивая эффективное продвижение идеологических концепций, формирование имиджа и мобилизацию электората. В контексте Российской Федерации данный феномен приобретает уникальные черты, обусловленные спецификой политической системы, историческим развитием и социокультурной средой.

Политическая система Российской Федерации характеризуется высокой степенью централизации власти, доминированием одной политической силы в парламентских структурах в определенные исторические периоды, а также сложной многоуровневой структурой, включающей федеральные, региональные и местные органы государственного управления. Эти особенности требуют адаптации методологических подходов и инструментария политического маркетинга к специфике российского политического ландшафта.

Эффективность политических кампаний в значительной степени зависит от уровня политической конкуренции, состояния медиaprостранства, доступности средств массовой информации, уровня политической культуры и электоральной активности граждан, а также особенностей электорального поведения. Комплексный анализ этих факторов позволяет выявить ключевые направления для разработки и реализации эффективных политических стратегий.

В арсенале политического маркетинга представлен широкий спектр методов и инструментов, включая политическую рекламу, PR-стратегии, использование социальных сетей и цифровых платформ, организацию массовых мероприятий и встреч с избирателями, а также применение аналитических данных для оптимизации кампаний. Однако специфика политической системы и социокультурной среды Российской Федерации оказывает значительное влияние на их применение. Традиционные медиа, такие как телевидение, продолжают играть важную роль в формировании общественного мнения.

Особенности политического маркетинга в России обусловлены необходимостью учета политической системы, исторического контекста, адаптации методологических подходов и инструментов к специфике российского политического пространства, а также важности политических традиций и особенностей в формировании имиджа политических деятелей и партий. Уровень политической конкуренции и доступ к средствам массовой информации также оказывают существенное влияние на эффективность политических кампаний.

Таким образом, политический маркетинг в Российской Федерации представляет собой уникальное явление, обусловленное спецификой политической системы, историческим развитием и социокультурной средой. Комплексный анализ этих факторов является

необходимым условием для разработки и реализации эффективных политических стратегий.

Литература

1. Амелин В.Н. Социология политики. М.: Издательство МГУ, 1992.
2. Морозова Е.Г. Политический рынок и политический маркетинг: концепции, модели, технологии. М.: РОССПЭН, 1998.
3. Ольшанский Д.В. Политический PR. СПб.: Питер, 2003.
4. Соловьёв А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: Учебник для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2003.
5. Чумиков А.Н., Бочаров М.П. Связи с общественностью: теория и практика: Учеб. пособие. М.: Дело, 2006.

MONGUSH Ai-Suu Alexandrovna

Graduate Student, Tuvan State University, Russia, Kyzyl

THE SPECIFICS OF POLITICAL MARKETING IN RUSSIA

Abstract. *The article examines the specifics of political marketing in Russia, analyzes the features of its application in the context of the Russian political system. Special attention is paid to the factors influencing the effectiveness of political campaigns, as well as the methods and tools used in political marketing.*

Keywords: *political marketing, Russian Federation, political system, centralization of power, political competition, media space, mass media, political culture, electoral activity.*

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КОНДРАЧУК Марина Владимировна

магистрантка, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Ростов-на-Дону

ДЕФИЦИТ КАДРОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В ОРГАНАХ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ: ПРИЧИНЫ, СТРУКТУРНЫЕ ДИСПРОПОРЦИИ И ПУТИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена анализу причин устойчивого дефицита кадров в сфере информационной безопасности (ИБ) в органах исполнительной власти Российской Федерации. Исследованы институциональные, структурные, экономические и образовательные факторы, формирующие кадровый разрыв между потребностями государственного управления и возможностями подготовки специалистов. Особое внимание уделено региональным диспропорциям, влиянию рынка труда, конкуренции с частным сектором и проблемам нормативного регулирования квалификационных требований. Предложены направления институциональной модернизации, ориентированные на формирование устойчивой кадровой системы ИБ.

Ключевые слова: информационная безопасность, государственное управление, кадровая политика, дефицит кадров, цифровая трансформация, госслужба.

Информационная безопасность становится одним из ключевых ресурсов устойчивости государственного управления и национальной цифровой инфраструктуры. Однако финансовые, организационные и нормативные механизмы обеспечения государственного сектора квалифицированными специалистами в области ИБ существенно отстают от потребностей цифровой трансформации. По оценкам международной организации ISC², мировой дефицит кадров ИБ превышает 3,5 млн специалистов [1], и российская ситуация в целом отражает глобальный тренд: по данным отечественных аналитических отчётов, нехватка кадров в сфере ИБ в России составляет не менее 70–100 тыс. человек, причём наиболее остро она ощущается в органах исполнительной власти [2].

В государственном секторе кадровый разрыв обусловлен сочетанием институциональных, экономических и технологических факторов. Во-первых, зарплатные возможности органов власти существенно уступают частному сектору: исследования показывают, что средняя зарплата специалистов ИБ в коммерческих

компаниях в 2–3 раза превышает аналогичные позиции в органах власти [3]. Во-вторых, требования к квалификации специалистов ИБ в государственном секторе растут быстрее, чем обновляются федеральные образовательные стандарты и профессиональные стандарты, что создаёт несоответствие между подготовкой в вузах и практическими задачами ИБ на государственной службе [4].

Региональная специфика усугубляет ситуацию: в большинстве субъектов Российской Федерации отсутствуют специализированные центры компетенций ИБ, а образовательные программы ограничены базовым ИТ-профилем без углублённой специализации. Согласно исследованию Счётной палаты РФ, в более чем 40 регионах не готовят специалистов по направлениям «Информационная безопасность» и «Компьютерная безопасность», что приводит к миграции специалистов в федеральные центры и увеличивает диспропорции в кадровой ёмкости регионов [5].

Значительная часть дефицита объясняется структурными особенностями российской системы государственного управления. Ведомственные информационные системы и объекты критической информационной инфраструктуры требуют специалистов с различными компетенциями: криптографическая защита, анализ угроз, администрирование безопасных систем, аудит ИБ, реагирование на инциденты. Однако большинство региональных органов власти могут позволить себе лишь небольшие группы ИТ-сотрудников, выполняющих одновременно несколько функций. Это снижает качество защиты и увеличивает риск инцидентов.

Не менее важным фактором является институциональная фрагментация кадрового регулирования. Требования к специалистам ИБ формируются разными ведомствами: ФСТЭК России, ФСБ России, Минцифры России, Минобрнауки России. Отсутствие единой модели компетенций приводит к тому, что квалификационные требования разрозненны, а образовательные программы не согласованы с потребностями государственных структур. Международный опыт показывает, что наличие общенациональной компетентностной модели (таких, как NICE Framework в США) способствует выравниванию требований и повышению качества подготовки [6].

Кроме того, государственный сектор проигрывает конкуренцию коммерческим компаниям не только в уровне оплаты труда, но и в возможностях профессионального роста. Частный сектор активно инвестирует в корпоративное обучение, международную сертификацию и развитие карьерных траекторий. В государственных органах подобные инструменты развиты фрагментарно. Анализ Минцифры РФ показывает, что доля государственных служащих, прошедших ежегодное повышение квалификации по ИБ, остаётся существенно ниже требуемых значений [7].

Формирование устойчивой кадровой системы ИБ требует институциональной модернизации. Одним из ключевых направлений является разработка единой модели компетенций специалистов ИБ для государственного сектора, включающей требования к уровням квалификации, полномочиям и профессиональным трекам. Не менее важным шагом

является создание федеральной кадровой платформы ИБ, обеспечивающей сбор данных о кадровых потребностях, компетенциях специалистов, образовательных программах и сертификациях.

Важным направлением является расширение механизмов целевого обучения и образовательных контрактов с вузами. Целевое обучение позволяет государственным структурам формировать кадровый резерв, обеспечивая возврат выпускников на госслужбу. Однако эффективность таких инструментов пока ограничена, поскольку значительная часть выпускников после получения образования предпочитает частный сектор. Это требует создания дополнительных стимулов: программ карьерного роста, возможности гибкого графика, развития институтов наставничества и включения сотрудников ИБ в стратегические процессы цифровой трансформации ведомств.

Таким образом, дефицит кадров информационной безопасности в органах исполнительной власти является комплексной проблемой, включающей институциональные, экономические, образовательные и региональные аспекты. Решение данной проблемы требует трансформации институциональной архитектуры кадрового обеспечения, в частности внедрения единой компетентностной модели, модернизации образовательных программ, создания цифровой кадровой платформы ИБ и формирования устойчивых стимулов для привлечения и удержания специалистов в государственном секторе.

Литература

1. SC² Cybersecurity Workforce Study 2023.
2. ТАСС. Дефицит специалистов по ИБ в России. 2024.
3. HeadHunter. Аналитика зарплат на рынке ИБ. 2023.
4. Минобрнауки РФ. Аналитический доклад о соответствии ФГОС требованиям цифровой экономики. 2022.
5. Счётная палата РФ. Отчёт о готовности регионов к цифровой трансформации. 2023.
6. NIST NICE Cybersecurity Workforce Framework, 2020.
7. Минцифры РФ. Мониторинг повышения квалификации госслужащих. 2023.

KONDRACHUK Marina Vladimirovna

Graduate Student, South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Rostov-on-Don

SHORTAGE OF INFORMATION SECURITY PERSONNEL IN EXECUTIVE AUTHORITIES: CAUSES, STRUCTURAL IMBALANCES AND WAYS OF INSTITUTIONAL MODERNIZATION

Abstract. *The article is devoted to the analysis of the causes of a steady shortage of personnel in the field of information security in the executive authorities of the Russian Federation. The article examines the institutional, structural, economic and educational factors that form a personnel gap between the needs of public administration and the training opportunities for specialists. Special attention is paid to regional imbalances, the impact of the labor market, competition with the private sector and the problems of regulatory regulation of qualification requirements. The directions of institutional modernization are proposed, focused on the formation of a stable information security personnel system.*

Keywords: *information security, public administration, personnel policy, staff shortage, digital transformation, civil service.*

КОНДРАЧУК Марина Владимировна

магистрантка, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Ростов-на-Дону

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА ГОСУДАРСТВЕННОЙ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: ПРОБЛЕМЫ КООРДИНАЦИИ И МОДЕЛИ ИНТЕГРАЦИИ

Аннотация. Статья посвящена исследованию структуры и механизмов кадровой политики в сфере информационной безопасности Российской Федерации с точки зрения её институциональной архитектуры. Особое внимание уделяется анализу нормативной базы, распределению полномочий между федеральными органами власти и выявлению ключевых проблем межведомственной координации. Научная новизна заключается в институциональном подходе к анализу кадрового обеспечения информационной безопасности. Исследуются возможные пути оптимизации кадровой политики и предлагаются конкретные меры по повышению её эффективности.

Ключевые слова: государственное управление, информационная безопасность, кадровая политика, цифровая трансформация, институциональная архитектура, интеграция ресурсов.

Информационная безопасность становится важнейшей частью государственной политики Российской Федерации, обеспечивая стабильность функционирования органов власти и защиту критически важных инфраструктурных объектов. Хотя принципы обеспечения информационной безопасности законодательно закреплены, кадровая инфраструктура в этой сфере остается серьезным препятствием для успешной цифровой трансформации. Усложнение цифровых архитектур, распространение облачных решений, необходимость импортозамещения и рост объемов обрабатываемых данных создают серьезные трудности для государственных учреждений, остро нуждающихся в квалифицированных специалистах. По данным последних исследований, недостаток кадров в сфере информационной безопасности достигает порядка 70 тыс. специалистов, что соответствует глобальным тенденциям нехватки около 3,5 млн профессионалов по кибербезопасности [1].

Российские источники отмечают, что кадровый голод в сфере информационной безопасности наиболее выражен в государственном секторе. Причинами выступают более низкие зарплатные предложения государственных органов, ограниченная гибкость карьерных траекторий, недостаточная актуальность образовательных программ и долгий цикл обновления профессиональных стандартов [2].

Проведённый Минцифры России анализ подтверждает, что потребность госуправления в кадрах деятельности по защите информации растёт быстрее возможностей системы образования [3].

Несмотря на масштаб нормативной базы, включающей Доктрину информационной безопасности Российской Федерации, национальные проекты и федеральные стратегии, институциональная архитектура кадровой политики информационной безопасности остаётся дисперсной. Различные ведомства регулируют отдельные элементы кадровой политики, что приводит к несогласованности требований, фрагментации образовательных стандартов и отсутствию единой модели компетенций. ФСТЭК России формирует требования к технической защите информации, ФСБ России регулирует направление криптографической защиты, Минцифры России координирует процессы цифровой трансформации и подготовку кадров для проекта «Цифровая экономика», Минобрнауки России отвечает за стандарты образования. Однако ни одно из ведомств не имеет полномочий выступать центральным органом координации кадровой политики в сфере информационной безопасности [4].

Одной из системных проблем является фрагментация нормативных требований. Несмотря на наличие профессиональных стандартов и федеральных образовательных

стандартов, обновление кадровых требований происходит медленно и часто не отражает современной технологической практики. Анализ показывает, что несоответствие между требованиями рынка ИБ и образовательными стандартами является одним из ключевых факторов кадрового дефицита [5, с. 35; 8, с. 25].

Международный опыт подтверждает эффективность интеграционных подходов. В частности, такие практики, как NICE Framework в США и модель компетенций ENISA в ЕС, позволяют выстраивать единую систему требований и образовательных траекторий. Использование стандартов ISO/IEC 27001 и ISO/IEC 27002 обеспечивает унификацию требований и облегчает координацию кадровых процессов [6].

Перспективным направлением модернизации кадровой архитектуры является создание цифровой кадровой платформы ИБ, включающей реестр специалистов, механизмы оценки компетенций, сведения о сертификациях и образовательных траекториях. Данная платформа может стать основой формирования единого кадрового пространства, позволяющего согласовать деятельность ведомств, образовательных организаций и работодателей [7; 9, с. 47].

Таким образом, институциональная архитектура кадровой политики информационной безопасности в современной России характеризуется недостаточной координацией, нормативной фрагментацией и слабой интеграцией

образовательной и ведомственной инфраструктуры. Создание единого координационного центра, цифровой кадровой платформы и обновление модели компетенций являются ключевыми условиями повышения эффективности кадровой политики государства.

Литература

1. ISC² Cybersecurity Workforce Study 2023.
2. ТАСС. Дефицит специалистов по ИБ в России. 2024.
3. Минцифры РФ. Государственный доклад о развитии цифровой экономики. 2023.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ №646 от 05.12.2016.
5. Белова Е.А. Проблемы институционализации кадровой политики ИБ. Информация и безопасность, 2024, С. 35-42.
6. ISO/IEC 27001:2022 Information security management systems.
7. NIST NICE Cybersecurity Workforce Framework, 2020.
8. Фёдоров А.Н. Кадровый потенциал обеспечения информационной безопасности в государственном управлении // Управление персоналом. 2023. № 4. С. 23-30.
9. Петрова О.В. Формирование единой кадровой платформы информационной безопасности: теория и практика // Безопасность информационных технологий. 2024. № 2. С. 45-53.

KONDRACHUK Marina Vladimirovna

Graduate Student, South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Rostov-on-Don

INSTITUTIONAL ARCHITECTURE OF THE STATE PERSONNEL POLICY IN THE FIELD OF INFORMATION SECURITY: PROBLEMS OF COORDINATION AND INTEGRATION MODELS

Abstract. The article is devoted to the study of the structure and mechanisms of personnel policy in the field of information security of the Russian Federation from the point of view of its institutional architecture. Special attention is paid to the analysis of the regulatory framework, the distribution of powers between federal authorities and the identification of key problems of interdepartmental coordination. The scientific novelty lies in the institutional approach to the analysis of information security staffing. Possible ways to optimize HR policy are explored and specific measures are proposed to improve its effectiveness.

Keywords: public administration, information security, personnel policy, digital transformation, institutional architecture, resource integration.

КОНДРАЧУК Марина Владимировна

магистрантка, Южно-Российский институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, г. Ростов-на-Дону

МОДЕЛЬ СТРАТЕГИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ ДО 2030 ГОДА

Аннотация. В статье предложена модель стратегического развития кадрового потенциала информационной безопасности (ИБ) в системе государственного управления Российской Федерации до 2030 года. На основе анализа нормативных документов, национальных программ, данных кадровой статистики и прогнозов цифровой трансформации сформированы ключевые направления развития кадровой системы в области ИБ. Особое внимание уделено институциональным механизмам, модели компетенций, цифровым платформам управления персоналом и интеграции образовательной и ведомственной инфраструктуры. Представлена авторская структурная модель, включающая прогноз потребности в кадрах, систему подготовки, систему оценки компетенций и механизмы удержания специалистов.

Ключевые слова: информационная безопасность, государственное управление, кадровая политика, стратегическое управление, цифровая трансформация, компетенции, прогнозирование кадровых потребностей.

Усложнение цифровых процессов государственного управления и рост угроз в информационном пространстве определяют необходимость формирования долгосрочной стратегии развития кадрового потенциала информационной безопасности. Согласно данным отчётов международных аналитических организаций, количество киберинцидентов ежегодно увеличивается на 15–20%, а глобальный дефицит специалистов по ИБ превышает 3,5 млн человек [1]. В России дефицит составляет порядка 70–100 тыс. специалистов, а на уровне органов власти он ощущается наиболее остро [2]. Это требует перехода от реактивных мер кадрового обеспечения к стратегическому моделированию развития кадровой системы до 2030 года.

Ключевым предпосылочным фактором является масштабная цифровая трансформация государственного сектора. По данным Минцифры РФ, к 2030 году большинство государственных сервисов будет функционировать в гибридных архитектурах, включающих облачные среды, распределённые реестры и платформенные решения [3]. Такие изменения предъявляют повышенные требования к квалификации специалистов ИБ, включая владение современными стандартами ISO/IEC, методиками аудита безопасности, системами

реагирования на инциденты и методами анализа угроз.

Несмотря на наличие разветвлённой нормативной базы, кадровая система ИБ в государственном секторе остаётся фрагментированной. Полномочия разделены между несколькими ведомствами: ФСТЭК России, ФСБ России, Минцифры России и Минобрнауки России. Отсутствие единого координационного центра приводит к несогласованности требований и разрыву между образовательной системой и запросами органов власти [4]. Международный опыт показывает, что эффективные системы ИБ строятся на основе единых моделей компетенций, как, например, NICE Framework в США или European Cybersecurity Skills Framework в ЕС [5].

Стратегическая модель развития кадрового потенциала ИБ до 2030 года должна включать несколько ключевых элементов. Первый элемент – прогнозирование кадровой потребности. Согласно экспертным оценкам, к 2030 году потребность органов государственной власти в специалистах ИБ вырастет минимум в 2,5 раза [6]. Для обеспечения такого роста необходимо внедрение механизмов регулярного прогнозирования, интегрированных в государственные программы цифрового развития.

Второй элемент – модернизация системы подготовки кадров. ФГОС и программы

высшего образования обновляются медленнее, чем развивается технологическая среда. Необходим переход к модульной системе обучения, расширение практико-ориентированных форматов, развитие сетевых образовательных программ и создание федеральных центров компетенций ИБ [7]. Важным направлением является развитие непрерывного обучения, включая повышение квалификации, профессиональную переподготовку и сертификацию специалистов.

Третий элемент – формирование единой модели компетенций. Такая модель должна быть согласована с ведомственными требованиями, международными стандартами ISO/IEC и профессиональными стандартами. Единая модель позволит унифицировать подходы к найму, оценке, аттестации и карьерному развитию специалистов ИБ.

Четвёртый элемент – создание цифровой кадровой платформы ИБ. Платформа должна включать реестр специалистов, данные о сертификациях, образовательных траекториях, результатах аттестаций, а также прогноз кадровых потребностей. Подобные решения применяются в международной практике (например, NIST Competence Tracking Systems) и доказали свою эффективность [5].

Пятый элемент – механизмы привлечения и удержания кадров. Государственный сектор проигрывает частному в уровнях дохода и гибкости условий труда. Для повышения конкурентоспособности необходимо внедрение

карьерных треков, систем наставничества, гибкой занятости, компенсации затрат на обучение, а также расширение целевого набора.

Таким образом, стратегическая модель развития кадрового потенциала ИБ в системе государственного управления до 2030 года должна опираться на институциональную интеграцию, единые требования к компетенциям, развитие цифровых кадровых платформ и комплекс мер по удержанию специалистов. Реализация данной модели позволит обеспечить устойчивость цифровой инфраструктуры государства и повысить эффективность государственного управления в условиях растущих киберугроз.

Литература

1. ISC² Cybersecurity Workforce Study 2023.
2. ТАСС. Дефицит специалистов по ИБ в России. 2024.
3. Минцифры РФ. Государственная программа «Цифровая экономика». 2023.
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ №646 от 05.12.2016.
5. NIST NICE Cybersecurity Framework, 2020.
6. Аналитический центр при Правительстве РФ. Прогноз кадровой потребности в сфере ИБ. 2023.
7. Минобрнауки РФ. Доклад о модернизации образовательных программ в области ИБ. 2022.

KONDRACHUK Marina Vladimirovna

Graduate Student, South Russian Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Russia, Rostov-on-Don

A MODEL FOR THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF INFORMATION SECURITY HUMAN RESOURCES IN THE PUBLIC ADMINISTRATION SYSTEM UNTIL 2030

Abstract. The article proposes a model for the strategic development of the human resources potential of information security in the public administration system of the Russian Federation until 2030. Based on the analysis of regulatory documents, national programs, personnel statistics data and forecasts of digital transformation, the key directions of the personnel system development in the field of information security have been formed. Special attention is paid to institutional mechanisms, competence models, digital platforms for personnel management and the integration of educational and government infrastructure. The author's structural model is presented, which includes a forecast of personnel needs, a training system, a competency assessment system, and mechanisms for retaining specialists.

Keywords: information security, public administration, personnel policy, strategic management, digital transformation, competencies, forecasting of personnel needs.

Актуальные исследования

Международный научный журнал

2025 • № 47 (282)

Часть II

ISSN 2713-1513

Подготовка оригинал-макета: Орлова М.Г.

Подготовка обложки: Ткачева Е.П.

Учредитель и издатель: ООО «Агентство перспективных научных исследований»

Адрес редакции: 308000, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135

Email: info@apni.ru

Сайт: <https://apni.ru/>

Отпечатано в ООО «ЭПИЦЕНТР».

Номер подписан в печать 02.12.2025г. Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

308010, г. Белгород, пр-т Б. Хмельницкого, 135, офис 40